

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Каждый, кому
в руки попадает
камертон
Чайковского,
умирает
при странных
обстоятельствах...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Золотой камертон Чайковского

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Золотой камертон Чайковского

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Золотой камертон Чайковского / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-113976-6

В далеком 1855 году некая таинственная незнакомка, представившаяся Музой, преподнесла в дар начинающему композитору Петру Ильичу Чайковскому золотой камертон, который стал для него неисчерпаемым источником вдохновения. После смерти композитора камертон начал свое долгое путешествие по миру, даря новым владельцам радость творчества, принося славу и деньги. Но не слишком ли дорога была цена такого успеха? Ни одному владельцу камертона не посчастливилось умереть своей смертью. И что же произошло с камертоном после гибели его последнего владельца, всемирно известного композитора и дирижера Павла Ившина? Неужели он нашел свою новую жертву?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113976-6

© Алейникова Ю. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Алейникова

Золотой камертон Чайковского

Разработка серийного оформления С. Курбатова

Обложка Н. Кудри

Редактор серии Ю. Милоградова

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Tatiana Popova, tanshy, Baturina Yuliya, Vadim Ivanov /

Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Алейникова Ю., 2020

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ты обойден наградой – позабудь.

Дни вереницей мчатся – позабудь.

Небрежен ветер – в вечной книге жизни

Мог и не той страницей шевельнуть.

Омар Хайям

Пролог

Июнь 1855 года. Санкт-Петербург

Жемчужно-перламутровые сумерки клубились за окном. Тревожный сумрак окутал углы полупустой неуютной комнаты. Легкий ночной ветерок заставлял зябко поежиться, наполняя скромную обитель бывшего правоведа не душистой свежестью, а речной сыростью.

Петр Ильич, мучимый бессонницей и необъяснимой тревогой, уже час бессмысленно бродил по комнате, кутаясь в старую маменькину шаль. Вдохновения не было, в голову лезли прозаические хозяйственные мысли. Чем заплатить долги, на что купить нотной бумаги и как долго будут отпускать в долг в бакалейной лавке?

Ах, как легкомысленно он покинул службу, стоило ли так рисковать, мучился в очередной раз Петр Ильич, вспоминая сытые беззаботные годы службы, веселые дружеские обеды и ужины, походы в театр и на модные концерты. Да, служба была скучна, рутина отвлекала от занятий, но жить ведь тоже на что-то надо.

А еще папенька уехал с братьями на Урал, Леля Апухтин – в Москву, ни одной родной души в городе не осталось, вздыхал Петр Ильич, мучаясь от беспричинной тоски и одиночества и вглядываясь в светлые безрадостные небеса.

Его неподвижную задумчивость прервал тихий стук. Чайковский вздрогнул, рассеянно взглянул на часы. Пробило уже час. Кто же в такое время? Может, Ларош? Почему так поздно? Руки Петра Ильича отчего-то едва заметно дрожали, когда он отпирал дверь.

На пороге стояла дама...

Он безмолвно взирает на ночную гостью, гадая, не видение ли это, не галлюцинация ли переутомленного мозга.

Дама была облачена во что-то светлое, воздушное, как жемчужно-серебристое небо за окном. За дымчатой вуалью невозможно было разглядеть ее лица, только смутные очертания, огромные глаза, тонкий нос...

– Простите за поздний визит, Петр Ильич, – первой прервала затянувшееся молчание гостья. – Вы позволите войти?

– О да! Да, прошу прощения, входите. Я... Одну минуту... – суетливо сбрасывая с себя старую шаль, поправляя пиджак и приглаживая волосы, бормотал Чайковский. – Садитесь, прошу вас, – указывая на единственное имевшееся в комнате кресло, предложил он.

– Благодарю вас. – Голос дамы звучал мелодично, как будто чья-то рука нежно коснулась струн арфы.

– Простите, сударыня, мы знакомы? – завороченно глядя на гостью, спросил Петр Ильич.

– О да. И близко. – Сквозь дымку вуали лица гостьи было не разглядеть, но Петру Ильичу послышалась в ее голосе улыбка. – Но позвольте мне остаться инкогнито.

– Как вам будет угодно, – проговорил он, едва владея собой от волнения, в визите незнакомки было что-то мистическое, будоражащее. – Но что же привело вас ко мне в столь поздний час?

– Суший пустяк. – Вновь прозвучала арфа. – Я принесла вам маленький подарок в знак моего восхищения вашим талантом.

– Моим талантом? Но разве вы слышали мои сочинения? – удивленно спросил Петр Ильич. – Нет-нет. Помилуйте, я ведь едва начинаю... Я всего лишь скромный учащийся консерватории. Вы, должно быть, перепутали меня с кем-то.

– Поверьте, Петр Ильич, это исключено, – категорически возразила гостья. – И вот мой подарок. – Она извлекла из маленького шелкового мешочка вытянутую бархатную коробочку, щелкнул замочек, и что-то тепло блеснуло в неверном свете белой ночи. – Это золотой камертон, – пояснила дама, протягивая его Чайковскому.

Он бережно принял странный дар, легко дотронулся до камертона, и тот зазвучал так же чисто и завораживающе, как голос незнакомки.

– Когда вас посетят сомнения или муки творчества, прибегните к моему дару, – напутствовала Петра Ильича незнакомка, поднимаясь.

– Благодарю вас, – проговорил, кланяясь, Чайковский. – Но сообщите же мне хоть свое имя, прекрасная гостя, что бы я мог вспоминать вас.

– Зовите меня Муза, – разрешила она, стоя уже в дверях, и скрылась в темноте лестницы, словно растаяла во мраке.

Чайковский простоял некоторое время, зачарованно глядя на подарок, потом, опомнившись, поспешил к окну, но незнакомки уже не было на пустынной сонной улице.

Как странно, что не было слышно отъезжающего экипажа, подумал Петр Ильич, подходя к роялю. В голове рождалась легкая, светлая мелодия, наполняясь звуками, силой, жизнью...

Из письма Петра Ильича Чайковского А. Н. Апухтину:

«Июнь 1865 года.

Милый Леля!

Пишу тебе о том, о чем беспрестанно думаю все эти дни, что волнует меня необычайно. Ни с кем не имею сил поделиться я своею тайной, но ты, я знаю, поймешь меня и не будешь смеяться. Так вот.

На днях со мной произошел удивительный случай. Ночью, когда я страдал бессонницей и тосковал о тебе, мой друг, о наших с тобой вечерах и беседах, вдруг раздался стук в дверь, на пороге, ты не поверишь, стояла дама. Загадочная незнакомка, скрытая густой вуалью. Она пробыла не более десяти минут, но все время ее визита я испытывал непередаваемое волнение и трепет. Она явилась, чтобы преподнести мне в подарок золотой камертон, после чего удалилась, так и не назвав своего имени. Но самое удивительное, она преподнесла мне его в восхищении от моего таланта!

Но, милый Леля, если он у меня и есть, то никак еще не проявил себя, тем более в глазах широкой публики. Но даже не это самое удивительное!

Теперь стоит мне в минуты творческих затруднений или сомнений коснуться этого камертона, как словно озарение нисходит на меня. Сомнения исчезают, мысль становится яснее, чувства обостряются, и на меня нисходит вдохновение.

Ах да, едва не забыл, уходя, она все же представилась мне. Она назвала себя Музой.

Ах, милый Леля, теперь я сижу и размышляю о том, какой толчок творческой фантазии, какую пищу для души дает нам яркое, выходящее за границы обыденности событие. Я до сих пор храню в душе трепет и волнение, подаренные мне этой короткой встречей. Надеюсь, мои чувства найдут достойное выражение в музыке.

Обнимаю тебя. Твой П. Чайковский».

Глава 1

17 сентября 1957 года. Ленинград

– Ларочка, дорогая, ты не видела мой клавир? – суетливо перемещался по комнате Модест Петрович.

– Нет. Ты же знаешь, что твои ноты никто никогда не трогает! – крикнула из спальни Лариса Валентиновна.

– Ларочка, у меня же концерт! Ну помогите мне кто-нибудь! – снова донесся из кабинета полный трагического надрыва голос. – Я опаздываю! У меня сегодня эпохальный вечер! Лара! Лиза! Илья! Луша! Все немедленно сюда! Все ищем мой клавир!

– Ну да. Можно подумать, я отличу клавир от ноктюрна, – проворчала домработница, оставляя в покое раскатанное на столе тесто. – У него концерт, а у меня ужин на двенадцать человек, мне готовить не надо. – Но в кабинет пришлось идти.

Когда Модест Петрович впадал в паническую ярость, как сейчас, а такое случалось нередко, потому что он, как многие творческие личности, был рассеян и вечно терял самое необходимое, всем членам семьи надлежало явиться на место сбора и проявить бурную, хотя порой и бессмысленную энергию в поисках утраченного. После бестолковой суеты и препирательств Лариса Валентиновна находила искомое, как правило, на самом видном месте. После чего вся семья, измотанная и обессиленная, возвращалась к повседневным делам, а виновник этой сумятицы преспокойно отбывал на службу.

– Ох, ну вот же он! – радостно потрясая нотами, воскликнул Модест Петрович, оборачиваясь к семейству. – Лежал прямо на столе, неужели никто не видел? Ларочка, а почему вы до сих пор не готовы? Нам же скоро ехать! Юбилейный концерт! Немедленно собирайтесь, мне что, самому вас всех одевать? Лиза, Илья...

Но в комнате уже никого не было. Семейство, зная наизусть, что им будет сказано далее, в мгновение ока растворилось в глубине квартиры, а спустя час Луша подавала им в передней плащи.

– Ну, с богом, – напутствовала она в дверях Модеста Петровича и даже тайком перекрестила, оглядевшись предварительно по сторонам, не идет ли кто из соседей.

Концерт, посвященный тридцатилетнему юбилею творческой деятельности выдающегося советского композитора Модеста Петровича Щеголева, в Большом зале филармонии прошел с огромным успехом. В первом ряду сидели представители руководства города, видные деятели искусства, члены семьи юбиляра. Второй и третий ряды также были заняты значимыми в городе фигурами, в том числе несколькими известными врачами, а также стоматологом, протезистом, директором крупного гастронома и его уважаемой супругой, представителем Внешторга с семьей, скорняком, директором известного в городе ателье и прочими друзьями, приятелями и знакомыми семьи.

На концерте исполнялись наиболее масштабные и популярные произведения юбиляра. Было множество оваций, официальных поздравлений, речей, цветов. В концерте приняли участие известные на всю страну вокалисты, солисты ведущих театров города, что очень украсило программу.

А затем был банкет в «Метрополе» – пышный, громогласный, роскошный. После чего семейство с самыми близкими друзьями отправилось домой, где состоялось камерное семейное застолье, где звучали самые теплые и искренние тосты и пожелания, где можно было без опаски обсудить прошедший вечер во всех подробностях, посмеяться над напыщенностью Н., над неумеренной говорливостью М., над глупой чопорностью Л. и еще, и еще раз поздравить виновника торжества.

Спать Щеголевы легли под утро, Модесту Петровичу постелили в кабинете. Он очень устал за вечер и удалился на покой еще до ухода гостей. Так что провожать их пришлось Ларисе Валентиновне и усталой ворчливой Луше.

– И что за манера цельную ночь в гостях сидеть? Поели, попили, и милости просим по домам. А тут еще посуду за ними мой. А Иван Игоревич? Это ж надо придумать – посреди ночи во все горло запеть? Соседи, наверное, подумали, что у нас с ума все посходили. Хорошо еще, милицию не вызвали.

– Не ворчи, Луша. А посуду можешь и с утра помыть, иди ложись. Все сегодня устали, завтра будем прибираться, – добродушно посоветовала Лариса Валентиновна, подавляя зевоту.

– Ну вот еще. Не приучены в грязи спать ложиться, – упрямо возразила Луша.

– Ну тогда завтра рано не вставай, я сама кофе подам, и пирожки еще остались. В общем, завтрак не готовь, спи сколько спится, мы сами управимся, – щедро разрешила хозяйка.

– Справятся они, – отмахнулась от нее Луша. – Небось и понятия не имеете, где кофий стоит.

А утром Модест Петрович не вышел к завтраку.

– Луша, Модест Петрович так и не выходил? – спросила с порога Лариса Валентиновна, возвращаясь домой с прогулки.

– При мне нет. Я же в булочную выходила и в гастроном за гречей, – выглянула с кухни Луша. – Но я ему на столе завтрак оставляла, салфеточкой прикрытый, так он нетронутый стоит.

– Гм, – взглядывая на маленькие наручные часики, озабоченно вздохнула Лариса Валентиновна. – Думаю, надо пойти его разбудить. Вдруг он от переутомления заболел, может, его в банкетном зале просквозило или потом на улице, когда в такси садились? Только бы не воспаление легких, – торопливо снимая пальто, волновалась все больше Лариса Валентиновна. – А Лиза с Ильей еще не возвращались?

– Не было пока.

– Луша! Луша! – донесся из кабинета такой пронзительный, истошный вопль хозяйки, что у Луши от страха кастрюля с начищенной картошкой из рук выпала.

– Господи, тута я! Чего так кричать-то, ведь едва от страха не померла. Ой, батюшки! – без всякого перехода заголосила Луша, увидев на диване неподвижного, уставившегося в потолок немигающими глазами хозяина.

– Сердце, это наверняка сердце. Такое переутомление, столько волнений... – бормотала себе под нос Лариса Валентиновна, комкая в руке маленький, насквозь мокрый платочек.

– Конечно, конечно. Наверняка, – согласно кивала, обнимая ее за плечи, Людмила Валентиновна, ее старшая сестра, вызванная Лушей на подмогу.

– Люсенька, если бы он лег в спальне, я бы услышала, я бы успела... А так... Бедный, бедный... Бедные мы, как же мы теперь? А Лизонька с Ильюшей, как нам теперь?

– Ничего, не пропадете, – успокоительно гладила сестру по спине Людмила Валентиновна. – В советской стране живете, не дадут пропасть. Помогут. И с похоронами, и вообще, – кивала она головой. – Такой человек! Такой талант... Да и на книжке у вас небось что-то отложено, а у тебя образование есть. Проживете. Ох, Модя, Модя.

– Лариса Валентиновна, там к вам следователь пришел, приглашать? – заглянула в комнату заплаканная Луша.

– Следователь? Ко мне? А зачем? – все еще всхлипывая, оторвала от платочка красное, порядком распухшее лицо Лариса Валентиновна. – В смысле, конечно, пусть проходит. Люся, как я выгляжу? А впрочем, какая разница?

– Добрый день! Щеголева Лариса Валентиновна? – поздоровался, войдя в комнату, средних лет ничем не примечательный мужчина в штатском костюме и с полевой сумкой в руках.

– Да, прошу вас. А это моя сестра, Людмила Валентиновна. Вы проходите, пожалуйста, садитесь. И извините меня за мой вид, сами понимаете... – прерывисто выдохнула Лариса Валентиновна, стараясь снова не расплакаться.

– Конечно, – сдержанно ответил следователь, присаживаясь. – Разрешите представиться, капитан Рюмин Евграф Николаевич. Сотрудник Ленинградского уголовного розыска.

– Очень приятно. Уголовного розыска? – тут же удивленно уточнила Лариса Валентиновна. – Но я не понимаю... что вам от нас угодно? – У нее даже слезинки от удивления высохли.

– Дело в том, что, как показало вскрытие, ваш муж Щеголев Модест Петрович был отравлен.

– Отравлен? В смысле – умер от отравления? – От обрушившегося на нее несчастья Лариса Валентиновна стала медленнее соображать, и любая тема, не относящаяся к смерти Модеста Петровича, плохо доходила до ее сознания. Но сообщение капитана касалось именно покойного мужа и было столь неожиданным, что тоже требовало осмысления. – Вы имеете в виду, что он отравился несвежими продуктами? Мне еще вчера показалось, что у салата был какой-то странный привкус. Люся, ты не обратила внимания?

– Ваш муж отравился не испорченными продуктами, а редким химическим соединением, которое могло быть добавлено и в салат, и в любое другое блюдо. Скажите, кто-нибудь из ваших друзей, родственников или гостей, присутствовавших на банкете, имеет отношение к химической промышленности?

– Нет, насколько мне известно. Но я не понимаю, если это вещество было в еде, то почему кроме мужа никто больше не отравился? Или есть еще жертвы? – с замиранием сердца спросила Лариса Валентиновна, с ужасом думая, зачем они с Модестом потащили на банкет детей, а не оставили их дома с Лушей.

– Нет. Больше жертв не имеется, а потому у нас есть основание полагать, что ваш муж был умышленно отравлен. Причем, судя по содержимому его желудка, отравлен именно на банкете. Который состоялся, по вашему свидетельству, в ресторане «Метрополь», – заглянув в свой планшет, сообщил сотрудник УГРО.

– Умышленно отравлен? Вы, должно быть, шутите, – выпрямив спину и чинно сложив на коленях руки, строго проговорила Лариса Валентиновна. – Мой муж известный всей стране композитор, вчера был его юбилейный концерт. Кто и зачем мог его отравить?

– Вот это я и хочу выяснить, – сухо ответил капитан Рюмин. – Составьте мне полный список гостей, присутствовавших на банкете. Желательно указать их адреса и место работы.

– Ну, знаете ли! – возмущенно выдохнула Лариса Валентиновна, но сестра мягко жала ее ладонь, удерживая от опрометчивых слов.

– Лариса обязательно составит такой список, но позвольте не сегодня, у нее был очень тяжелый день. Смерть Модеста и все такое, – вмешалась в разговор Людмила Валентиновна. – Если вы позволите, она составит его завтра, вы можете кого-нибудь за ним прислать. Скажем, после обеда, – взглянув вопросительно на сестру, предложила Людмила Валентиновна. – Кстати, я там тоже была вместе с мужем. Вы можете сразу же нас записать.

– Модеста отравили! Люся, ты можешь в это поверить? Каким-то сложным химическим веществом! Дикость какая-то, – всплеснула руками Лариса Валентиновна, поднимаясь с дивана. – Этого не может быть, они наверняка там что-то напутали. Он же просто музыкант, композитор, он просто сочинял музыку. Никому не мешал, никого не обижал, никому не угрожал. За что же?

– Ох Лариса, ну что ты говоришь? Никому не мешал! – с едва заметным раздражением усмехнулась Людмила Валентиновна. – Модест мешал очень многим. Ему завидовали, его ненавидели. За успех, за блага, которые он имел. Да и вообще, убить могут кого угодно, хоть колхозного тракториста за то, что он себе новую гармошку купил, хоть американского мил-

лиардера за то, что он у кого-то десять центов в карты выиграл. Дело не в убитом, все дело в убийце, в его личности, в его мотивах. И вообще, вспомни Моцарта и Сальери.

– Люда, тебе что-то известно? Откуда у тебя такие мысли? – уставилась на сестру Лариса Валентиновна.

– Да так, – улыбнулась Людмила Валентиновна. – Недавно переводила роман Агаты Кристи для издательства, вот там и набралась. А вообще, отравление дело не шуточное. И если Модеста отравили каким-то сложным веществом, значит, заранее готовились. Так что ты хорошенько подумай, кому он насолить мог.

– Мама, а разве папу убили? – раздался справа робкий, тихий голос.

– Илья, ты что здесь делаешь, ты почему не в своей комнате? – обернулась к сыну Лариса Валентиновна.

– Я есть захотел, шел к Луше на кухню и увидел того человека. Он из уголовного розыска, да? – напряженным тихим голосом продолжал расспрашивать Илья.

– Илья, ты же знаешь, что подслушивать нехорошо, – не желала отвечать на его вопросы Лариса Валентиновна, еще не решив, как правильно вести себя в сложившейся ситуации, слишком быстро все произошло.

– Мама, я знаю, кто папу убил, – глядя на мать серьезным, даже строгим взглядом, сообщил Илья.

– Боже мой, сынок! Ты что такое говоришь? – всплеснула руками Лариса Валентиновна.

– Правду, – твердо проговорил Илья. – Я сам слышал, и Лиза может подтвердить, как один человек на банкете говорил другому, что ненавидит папу. Обзывал его бездарным интриганом, холуем, партийным подпевалой и говорил, что с удовольствием подсыпал бы ему мышьяку, чтобы избавить мир от такой плесени. Я едва сдержался, чтобы не ответить ему. Я даже папе про него рассказал. Но папа сказал, что этот дядя просто шутит и чтобы я не подслушивал взрослые разговоры. И отправил нас с Лизой на первый этаж, в фойе, под фикусы.

– Ну вот, – многозначительно приподняв брови, проговорила Людмила Валентиновна, глядя на сестру.

– Илюша, а как звали этого дядю, ты не помнишь?

– Нет. Но я могу его узнать. Он такой высокий, как полярник, с волосами назад, и нос у него толстый, и губы.

– Умница, Илья. Ты пойди пока покушай, а мы с мамой посоветуемся, как лучше поступить, – распорядилась Людмила Валентиновна. – Ну, Лара, что ты думаешь, кто это мог быть?

– С толстым носом? Понятия не имею.

– А ты подумай. Представителей горкома, Ивана Кондратьевича с семьей, Григория Дмитриевича и так далее, можно сразу исключить. Это мог быть только кто-то из музыкальной среды. Какой-нибудь завистливый неудачник. Вспоминай, кто был в «Метрополе»?

– Да много кто. Высокий... Как полярник... Даже не знаю, – терла виски Лариса Валентиновна. – У Зубровского рост большой, и нос, пожалуй, крупный.

– Точно, Зубровский подходит. Но он бас, а не композитор, вряд ли у него были серьезные причины ненавидеть Модеста.

– Тогда еще, пожалуй, Коченов, композитор.

– Кто такой? Почему я его не знаю?

– Ну он в основном симфоническую музыку пишет. Всякие оратории и прочее, – неопределенно повертела рукой Лариса Валентиновна.

– И что, он завидовал Модесту?

– Пожалуй. Модест всегда над ним посмеивался. Коченов вечно сочинял что-то помпезное, обожал всякие там даты и так далее и за счет этого продвигал свои сочинения. Но дважды ни одно из его сочинений, кажется, ни разу не исполняли.

– Ну вот. Чем не кандидат? Еще кто-то подходит?

– Не знаю. Может, еще профессор Мешков из консерватории? Он в свое время тоже писал, но как-то неудачно. Я его плохо знаю, Модест всего только год как начал преподавать, но знакомы они, кажется, давно. Мешков, по-моему, откуда-то из Сибири приехал, он, кажется, на народной музыке специализируется или инструментах?

– Ты обязательно должна все это рассказать следователю.

– Как-то неловко, а вдруг эти люди не виноваты, а я на них напраслину возведу? Да и мало ли что мы болтаем? Я, когда рассержусь, чего только не наговорю. Вон, Илюша новое пальтишко порвал, когда с ребятами из соседней школы подрался. Я пальтишко увидела, сразу сказала, придет домой – убью. Ну и что? Поругала, конечно, и то не сильно, потому что все объяснил, а Луша пальто зашила. Мало ли что в сердцах человек сказать может.

– Конечно. Только вот Модеста и впрямь убили. Причем отравили! – не сдавалась Людмила Валентиновна.

– Ну, не знаю, – все еще сомневалась Лариса Валентиновна. – А может, они там все же ошиблись? Может, вещество это случайно в еду попало? Или Модест таблетку какую-то по ошибке принял? У него после концерта от переутомления голова болела, я ему порошок дала, может, он его перепутал с чем-то в грим-уборной?

– Не хочешь следователю говорить, я сама расскажу, – решительно проговорила Людмила Валентиновна, поднимаясь.

Глава 2

18 сентября 1957 года. Ленинград

– Лариса Валентиновна, – непривычно топчась на пороге комнаты, проговорила Луша. – Непорядок у нас.

– В каком смысле непорядок? – вяло поинтересовалась Лариса Валентиновна. После смерти мужа она впала в тоскливую апатию, почти ничем не интересовалась, а сидела целыми днями на диване, закутанная в пуховый платок, с поджатыми ногами и остановившимся взглядом. Почти не ела, не подходила к телефону, даже делами детей не интересовалась. Теперь все заботы по дому и семейные дела легли на плечи Луши.

Она собирала детей в школу, причесывала Лизу, проверяла, как сделали уроки, оценки в дневнике, решала, что покупать, что готовить, распоряжалась деньгами.

Ларисе Валентиновне было все равно. Повезло, что Луша была человеком глубоко порядочным и считала себя полноправным членом семьи, радея за ее благополучие.

– В кабинете Модеста Петровича беспорядок. Я до похорон там ничего не трогала, даже пыль не сметала, а сегодня пошла прибраться. Так вот, похозяйничал кто-то в кабинете-то. У Модеста Петровича, у него ведь как? Карандаши в ящичке всегда в коробочке слева, перья справа, чернильница запасная всегда посерединке в специальной коробочке, чтобы не пролилась. Нотная бумага ровненькой стопочкой, ни один листик не высовывается.

– Ну?

– А сейчас все как попало запихано. А потом еще в книжных полках тоже ковырялись, а уж в бюро, том, которое возле двери, и вовсе все переворошили. Но книжки берегательные, правда, не тронуты.

– Да, может, это Модест Петрович, когда клавиш искал, или тело когда выносили?

– Да кому же понадобилось в бюро-то лезть, с телом-то? Нет, там искали чего-то. Может, убийца и искал! – высказала наконец свою главную мысль Луша и замерла, поджав губы.

– Да что там искать, тем более если сберкнижки не тронуты? – равнодушно пожала плечами Лариса Валентиновна. – Луша! А камертон?

– Нету его. Коробочка раскрытая, в книжную полку на книги засунута, – кивнула головой Луша. – А только в тот вечер Модест Петрович его с собой брал. А потом домой пришел и переоделся, фрак в спальне на спинку стула повесил, я потом его в шкаф убрала.

Обе женщины как по команде подхватились и бросились в спальню.

– Здесь, слава тебе господи, – выдохнула с облегчением Лариса Валентиновна, бережно держа в руках драгоценность. – Луша, а может, его надо было вместе с Модестом Петровичем похоронить, а?

– Еще чего? Такую вещь в землю! Еще живым пригодится. А вот припрятать бы его надо. И милиции рассказать, что в кабинете рылись, небось это важно. Вот только я уже все полки протерла, поздно сообразила про вора-то, – сокрушенно поведала Луша.

Милиции все рассказали, приехала бригада из уголовного розыска, обыскала все поверхности в кабинете специальным порошком, ничего, как и обещала Луша, не нашла и, сердито ругаясь на старательную домработницу, уехала.

И снова потянулись серые тоскливые будни.

– Ну что, Евграф Никанорович, как там с делом Щеголева? Продвигается расследование? – почесывая лысеющую макушку, поинтересовался начальник Ленинградского уголовного розыска полковник Шеляпин.

– Работаем, Леонид Гаврилович. Очень уж много подозреваемых, а тут еще новые данные всплыли, половина работы насмарку, – с горечью доложил капитан Рюмин.

– Ну, ты, главное, не затягивай, убийство это, сам знаешь... В общем, человек был известный и в стране, и в городе, так что, можно сказать, дело чести – раскрыть. Да и начальство интересуется.

– Леонид Гаврилович, вы меня не первый год знаете, для меня раскрыть любое убийство – дело чести. И не важно, кого убили – посудомойку тетю Любу из заводской столовой или композитора, на всю страну известного. Убийство – оно и есть убийство, самое страшное на свете преступление, и зверь, его совершивший, должен ответить по всей строгости, – без всякого пафоса, но резко и решительно заявил Евграф Никанорович.

– Да знаю. Знаю. Потому и не торможу, – примирительно проговорил полковник. – Ладно, работай, если помощь нужна, не стесняйся.

«И на том спасибо», – невесело размышлял Евграф Никанорович, шагая по коридорам уголовного розыска.

Убийство композитора, простое на первый взгляд, оказалось на деле весьма запутанным. Химика, работавшего с веществом, которым отравили Щеголева, в окружении композитора обнаружить не удалось. Был врач – хирург Тобольский, известный в городе человек. В медицинском институте он наверняка изучал основы фармакологии, а может, и саму химию, и в любом случае был человеком образованным, способным из нужных ингредиентов получить необходимое соединение. Это Евграфу Никаноровичу и патологоанатом подтвердил. А еще имелся среди гостей некто Абросимов Кирилл Генрихович, скорняк по профессии, а выделка шкур тоже, как известно, требует каких-то там растворителей, пропиток или чего-то еще. Правда, Абросимов шкуры не выделял, а шил шубы из готовых, но химические составы наверняка использовать умел. Хотя и не те, которым был отравлен Щеголев. Еще был известный пианист Альт Семен Михайлович, заслуженный артист, его родной брат, физик, работает в научно-исследовательском институте. А где физика, там и химия. А еще был композитор Забродин, у того отец в заводской лаборатории работает. А еще скрипач Минкин Исаак Борисович, у того сосед по квартире на медицинском складе подвизается, и жена кандидат биологических наук. И это из очевидного.

А что касается мотивов, сперва за основную версию были приняты зависть, ненависть и месть. Потом выяснилось, что в кабинете убитого был обыск, убийца что-то искал, и, по свидетельству жены, это мог быть золотой камертон, некогда принадлежавший самому Чайковскому, о котором даже равнодушный к музыке Евграф Никанорович слышал, и доставшийся Щеголеву по наследству от какого-то дальнего родственника.

Золотой камертон – вещь сама по себе ценная. Капитан его видел. Золото высокой пробы, чистого весу граммов триста, не меньше, за такой, конечно, убить можно, но для музыкантов он имел еще особый смысл, так как считался своего рода талисманом Петра Ильича Чайковского. Со слов Щеголевой, муж с ним практически не расставался во время работы, дорожил им больше всего на свете.

А значит, музыканта могли убить из зависти, движимые желанием завладеть камертоном как талисманом, приносящим удачу, или из жадности золота. Но люди, бывавшие в доме Щеголевых, были все сплошь не бедные, не мелкие жулики, и мотив примитивного ограбления Евграф Никанорович решил исключить. Оставались месть, зависть и желание завладеть камертоном. Хотя, по мнению Евграфа Никаноровича, если бы не золото, камертон этот – вилка вилкой.

Ладно. Не это сейчас важно, а важно, кто же все-таки убил? Благодаря композиторской домработнице ни одного отпечатка пальца в кабинете не осталось, с какого бока подходить к поиску преступника, неясно.

– Слушай, Рюмин, а ты попробуй следственный эксперимент провести, – глядя на мучения коллеги, предложил Никита Чугунов. – Собери их всех у композитора, посади за стол, и пусть вспоминают, кто куда и когда выходил из-за стола. М-м? Тут голубчика и вычислишь.

– А что... – почесал макушку Евграф Никанорович. – Может, и правда, собрать эту публику, и пусть вспоминают.

Вокруг овального, покрытого скатертью стола собрались все десять человек, бывших в роковой вечер в доме Щеголевых. Горела люстра, за окном сгустились сумерки. На столе стояло блюдо с пирогами, был расставлен любимый чайный сервиз Ларисы Валентиновны, но никто из собравшихся так и не притронулся к угощению. Пустое кресло хозяина во главе стола возвышалось словно могильный камень, давя на присутствующих, в теплой светлой комнате царили кладбищенский холод и сумрак.

Хозяйка в простом темном платье, бледная, осунувшаяся, сидела на своем месте, во главе стола, стараясь не смотреть на кресло мужа, и беспрестанно перебирала кисти на скатерти.

– Ну что, товарищи, приступим, – решительно проговорил Евграф Никанорович, взглянув на часы. – Понятые готовы?

– Да-а, – нестройно ответили супруги Солнцевы из двадцать четвертой квартиры, приглашенные в качестве понятых.

– Где домработница?

– Тута я, – буркнула из-за его спины Луша. – Придумали тоже людей мучить.

– Попрошу прекратить не относящиеся к делу разговоры, – строго одернул ее Евграф Никанорович. – Итак, все на местах? Начнем. Во-первых, гражданин Тобольский, почему вы сидите рядом с хозяином?

– В каком смысле? – растерялся хирург. – Я сидел здесь в тот самый вечер, вы сами распорядились...

– Да. Я спрашиваю, почему в тот вечер вы сели рядом с хозяином?

– Станный вопрос, – пожал плечами врач, нервно поправляя очки.

– Вениамин Аркадьевич – давний друг моего мужа. Они еще с детства дружат, со школы, – усталым голосом пояснила Лариса Валентиновна. – И когда у нас собираются компании, вполне естественно, что Вениамин Аркадьевич садится рядом с Модестом Петровичем. Садился, – с горьким вздохом поправила сама себя вдова.

– Хорошо. С этим выяснили. Теперь вы... – на секунду замялся Евграф Никанорович.

– Гудковский Анатолий Михайлович, – пришел ему на помощь высокий худошавый мужчина с редкими темными волосами. – Я тоже близкий друг Модеста Петровича, во всяком случае, очень надеюсь, что был им, – под одобрительный кивок Ларисы Валентиновны сообщил Гудковский. – Мы дружны еще со студенческой скамьи. Но рядом с хозяином я оказался потому, что мы вместе вошли в комнату из прихожей и, продолжая разговор, прошли к столу, как-то естественно было сесть рядом. К тому же, как мне кажется, никто не обиделся?

– Что за глупости? – фыркнул плотный лысоватый мужчина в немного тесном пиджаке. «Скорняк Абросимов», – припомнил Евграф Никанорович.

– Это же просто домашние посиделки, а не торжественный прием, сели как вышло, никто специально место не выбирал. Вот вы, когда гостей собираете, разве раскладываете именные карточки на столе?

– Нет, – коротко ответил Евграф Никанорович, не пускаясь в объяснения о том, что живет до сих пор в общежитии, что нет у него своего угла и семьи. По молодости не сложилось, а потом вроде как уж и привык бобылем жить. И что гостей он не собирает, и вот таких вот домашних посиделок не устраивает.

– Вот видите, – по-своему истолковал его ответ Абросимов. – И мы все расселись как пришлось.

– Совершенно верно.

– Да, да.

– Это же естественно, – поддержали его другие собравшиеся.

– А вот это мы еще выясним, – угрожающе тихим голосом заметил Евграф Никанорович, и разговоры снова смолкли. – Итак, начинаем вспоминать, кто где был, кто что говорил, кто куда выходил.

– Я на кухне была, горячее готовила, – сообщила Луша и потопала на кухню, шлепая тапками.

– Как же теперь вспомнить, кто что делал? – растерянно протянула высокая крупная блондинка с пышным бюстом, певица из оперного театра.

– Мария Александровна права, во-первых, прошло довольно много времени, во-вторых, в тот вечер все были немного, как бы это выразиться, подшофе, атмосфера была самая свободная, все что-то говорили, иногда вставали с мест, перемещались по комнате. Менялись местами. Я, например, очень хорошо помню, что оказался рядом с Модестом Петровичем, когда Веня вышел покурить с Анной Ивановной.

– Аня, ты же не куришь! – тут же воскликнул маленький пузатенький пианист Альт, ревниво уставившись на жену.

– Я хотела проконсультироваться с Вениамином Аркадьевичем по поводу маминой грыжи, – лениво ответила та супругу. Евграф Никанорович в ее искренности усомнился.

– Да, действительно, а потом Модест встал и пошел к Марии Александровне целовать ручку, она дивно пела в тот вечер, а на его место сел я, хотел спросить у Анатолия Михайловича, когда планируется гастрольная поездка, – припомнил скрипач Минкин, – а заодно рассказать один забавный анекдотец.

– Да, да. Я тоже пересаживалась.

– А я выходил курить.

– А мы с Риммой Тимофеевной играли на рояле в четыре руки.

– А мы с Ларисой Валентиновной сидели на диване, и к нам сперва Модест Петрович подходил, а потом Анатолий Михайлович, и потом мы вчетвером у рояли пели, когда Римма Тимофеевна с Семеном Михайловичем играли.

Еще через полчаса Евграф Никанорович окончательно убедился в безнадежности затеи.

Гости, освоившись и осмелев, принялись ходить по комнате, вспоминая свои действия в роковой вечер, спорить, переговариваться, выходить из комнаты, толкаться в дверях, пересаживаться вокруг стола. В итоге получился форменный бедлам, именно такой, какой творился в вечер убийства, по признанию собравшихся. В такой обстановке можно было безнаказанно отравить всех массово и каждого в отдельности. В отчаянии тер лоб Евграф Никанорович, с тоской наблюдая за происходящим.

Отравить – да. А вот обыскать кабинет? Эта мысль помогла ему собраться. Но увы, ему и тут не повезло. Очень скоро стало ясно, что никто толком ни за кем не следил, любой из гостей мог выйти незамеченным из комнаты и незамеченным же вернуться. Потому что выходили в уборную, покурить, подышать воздухом, на балкон и на лестницу. Заглядывали к Луше на кухню. По одному и компаниями. Никто из них через минуту не мог вспомнить, что делал другой, все были заняты собою, и только.

Идея Никиты Чугунова провалилась. А Евграф Никанорович снова оказался у разбитого корыта. Когда следственная бригада покидала квартиру убитого композитора, он заметил в глазах вдовы выражение безнадежности, и ему стало стыдно.

Эх ты, старый опер, стреляный воробей, герой, а простую загадку бытового отравления раскрыть не можешь, стыд, да и только, корил себя всю дорогу до УГРО капитан Рюмин.

– Да что ты все себя изводишь? – сочувственно спросил его Никита Чугунов, вновь приходя коллеге на помощь. – Что ты все какие-то сложные версии прорабатываешь, начни с простого. Ты вот сам подумай, кому проще всего было отравить этого Щеголева?

– Кому? – устало вздыхая, спросил Евграф Никанорович.

– Домработнице. Она еду готовит, подает, ей это и сподручнее, – бодро сообщил Никита.

– Ну а мотив какой?

– Да мало ли найти можно? Недоплатил, оскорбил, на ногу наступил, щип обругал. Ты ж сам знаешь, из-за какой ерунды порой народ ближнего своего на тот свет отправляет. Вспомни хоть дело Луковых, а? Там муж жену, мать своих детей, зарезал за то, что она ему холодный борщ подала!

– Ну, это, знаешь, дикость чистой воды. Таких, как Луков, отстреливать надо как бешеных псов. А тут нормальные люди, воспитанные, и домработница у них всем довольна, про хозяина только хорошее.

– Ага. Это она тебе. А ты с хозяйкой побеседуй, с соседями, – посоветовал Никита, и Евграф Никанорович неожиданно задумался.

– Ой, да что вы! Луша обожала Модеста Петровича. Они знаете когда познакомились? Еще до меня, – уверенно рассказывала Евграфу Никаноровичу вдова Щеголева. – Луша только в Ленинград из своей деревни приехала, в середине тридцатых. Голодно у них там было, а еще родители у нее умерли, одна она осталась, вот и подалась в город, думала сперва на завод устроиться или на фабрику. Вот вышла она из вокзала на улицу и растерялась, а тут какие-то лихие ребята налетели, вырвали узелок из рук. Это возле Витебского вокзала было. Луша стояла на тротуаре, глазами хлопала, дома вокруг большие, трамвай, народу много, все непривычное. Вот они и воспользовались. Дело вечером было, фонари еще не зажгли, толчея, хорошо, Модест Петрович мимо шел. Луша когда заголосила «помогите, грабят», он рядом оказался. В молодости Модест Петрович был крепким, сильным, он же в простой семье рос, рабочей, ну вот и не испугался, бросился вдогонку, одного парня с ног сбил, второму тоже дал как следует, а тут и милиция подросла. А потом он Лушу к себе домой привел, потому что ей идти было некуда, он тогда с матерью в подвале на Разъезжей улице жил. Луша у него дня два прожила, пока место себе не нашла. На фабрику так и не пошла, а устроилась в прислуги к кому-то, я уж не помню, у нее спросите. А потом они с Модестом уже перед самой войной встретились, он тогда женат был, ребенок у них с женой только родился. Вот она к ним и пошла жить. А потом война была, Модест Петрович на фронт с концертными бригадами ездил, дома почти не бывал, мать его от голода в первую же зиму умерла, жена с ребенком во время бомбежки погибли. А Луша чудом в живых осталась, дома ее не было, когда бомба в здание попала. Карточки ходила отоваривать. Так что, когда мы с Модестом Петровичем познакомились, Луша уже у него жила. Она ему как родная. Да вы сами ее расспросите, – посоветовала Лариса Валентиновна. – Да и камертон ей не нужен, и комнату обыскивать незачем. Сколько лет она у нас живет, ни копейки не пропало.

Да, выходит, домработница отпадала.

И он снова возвратился к списку подозреваемых. Хирург с женой, скорняк с женой. Учитывая золотой камертон, их можно пока исключить. Зависть и золотой камертон не по их части. Хотя... а если ревность? Евграф Никанорович припомнил жену скорняка, пучеглазую пышнотелую шатенку с выдающимся носом, и супругу хирурга, миловидную блондинку с тонкими пальцами, пианистку Римму Тимофеевну. Первую можно было решительно вычеркивать, а вот вторая... Этот случай требовал проверки. Покойный Щеголев и хирург Тобольский дружили всю жизнь, а жизнь штука сложная, чего только в ней не бывает. Может, у Тобольской со Щеголевым был давний роман? Например, после гибели первой жены Щеголева и до повторного брака? Глаза Евграфа Никаноровича загорелись надеждой.

С этой же точки зрения стоило рассмотреть сопрано Марию Александровну Бессонову с супругом. Дама была хоть и в возрасте, около пятидесяти, но вполне интересная. Ее муж – военный, весьма видный мужчина. Герой, полковник, хотя, может, и простоватый для такой особы, как Мария Бессонова, честный служака, боевой офицер, всю войну прошел. Да, такой травить не станет, скорее пристрелит или морду набьет. Значит, эту пару можно пока вычеркнуть.

Далее семейство Альтов. Муж – известный на всю страну пианист, не менее популярный и заслуженный, чем сам убитый Щеголев. Значит, зависть скорее всего отпадает. Золотой камертон ему тоже вряд ли так уж остро нужен, стоит только вспомнить серьги, которые были на его супруге в день злосчастного эксперимента. Любовный мотив тоже, по-видимому, можно вычеркнуть, насколько помнил Евграф Никанорович, ревновал Семен Альт супругу к хирургу Тобольскому, а не к покойному юбиляру. Хотя... когда гости повторяли тосты, которые говорились в памятный вечер убийства, лицо Анны Ивановны Альт неприятно кривилось. А что, если именно она, а не супруг, ревновала к славе и известности покойного Щеголева? Да и к яду, как известно, чаще прибегают женщины, чем мужчины. А что, если у нее когда-то все же был роман со Щеголевым, тот ее бросил, и она его до сих пор не простила? Такое вполне могло быть. Анна Альт была женщиной хоть уже и немолодой, но все еще интересной, с фигурой, а лет пятнадцать-двадцать назад так и вовсе, наверное, была красавица. Значит, Альтов со счетов сбрасывать пока не станем, решил Евграф Никанорович.

Оставались скрипач Минкин и композитор Гудковский. Оба были холосты и дружили с Щеголевым еще с консерватории.

По свидетельству супруги Щеголева, отношения между покойным и этими двумя были всегда ровными и дружескими, никаких конфликтов у них не было. Но это со слов супруги.

Скрипач играл в оркестре, был первой скрипкой, Гудковский писал музыку для театральных постановок, радиопередач, в общем, до славы Щеголева ему было ой как далеко. Сам по себе этот факт ничего не доказывал, но мотивом мог быть. То есть в случае с Гудковским и Минкиным могли иметь место два мотива: ревность и месть, а также жадность в какой-то мере.

Итого у капитана набралось четыре подозреваемых. Не мало, если подумать, но и не слишком много, чтобы запутаться. А что, как ни крути, а дело движется, довольно крякнул Евграф Никанорович, закидывая руки за голову.

Глава 3

28 сентября 1957 года. Ленинград

Привлекать к делу лишних людей Евграф Никанорович пока что счел нецелесообразным, а решил начать с опроса самих подозреваемых, собрать, так сказать, их мнение друг о друге.

– Римма Тимофеевна? – приподняла красиво подведенную бровь Анна Ивановна Альт. – Прекрасная женщина, мы уже многие годы знакомы. Как пианистка она, возможно, и не обладает ярким талантом, но как человек очень приятная, интеллигентная женщина.

– А напомните мне, где она служит?

– Аккомпаниатором в Ленконцерте, – охотно сообщила Анна Ивановна, игриво наматывая на пальчик выбившийся из прически рыжеватый локон.

Анне Ивановне было определено за сорок, но выглядела она хорошо, моложаво, подтянуто: прямая спина, ясный открытый взгляд, вокруг лица ореол из пушистых локонов.

– Скажите, а какие у Риммы Тимофеевны отношения с мужем?

– С мужем? – искренне удивилась Анна Ивановна. – Нормальные, насколько я знаю. А в чем дело? – тут же оживилась она. – Вы знаете, мы же встречаемся только у Щеголевых, поэтому близко я Римму Тимофеевну не знаю.

– Жаль, – вздохнул Евграф Никанорович. – А мне бы как раз хотелось побеседовать с человеком, хорошо ее знающим.

– А почему? Что-то случилось?

– Да вот, до нас дошли слухи, что у Риммы Тимофеевны был когда-то роман с Модестом Щеголевым, хотели проверить информацию.

– Ах вот оно что! – оживилась Анна Ивановна. – Я, признаться, о нем никогда не слышала, я как-то даже думала, что Римма Тимофеевна любит своего мужа, знаете, они очень давно женаты, еще будучи студентами поженились по большой любви. Но, знаете, все может быть, – тараторила оживленно Анна Ивановна. – Все же Римма Тимофеевна женщина интересная, одевается хорошо. Вениамин Аркадьевич на жене не экономит, а он, знаете ли, очень известный в городе хирург, у него все городское руководство лечится. Мы все у него лечимся.

– Значит, вы лично о романе Риммы Тимофеевны ничего не слышали?

– Нет, – категорически покачала головой Анна Ивановна.

– А что вы можете рассказать о Марии Александровне?

– У нее тоже был роман со Щеголевым? Ай да Модест, а таким семьянином преданным прикидывался. Так вокруг Ларочки суетился. Я даже завидовала, грешным делом. Нет, Сема, конечно, тоже прекрасный муж и отец, но, знаете, в нем все как-то вяло. Он весь в музыке, а вот Модест очень красиво за Ларочкой ухаживал, даже после свадьбы. Подарки дарил на день рождения дорогие, цветы без повода. Когда я моему Семе про цветы раньше говорила, он всегда делал удивленное лицо и напоминал, что у нас их девать некуда. Поклонницы ему после концерта их охапками дарят. Ему даже не понять, какая разница между цветами, которые дарят ему, и теми, что он дарит лично мне, – с обидой в голосе пожаловалась Анна Ивановна. – Да и подарки... Вечно он спрашивает, чего мне хочется, а потом дает деньги и велит купить эту вещь. А Модест был настоящим рыцарем, как красиво он преподносил подарки, всегда сюрпризом, и даже часто при гостях. Вот сидим мы все вместе за столом, Модест Петрович кричит: «Луша, подавай десерт!» Входит домработница с подносом, прикрытым такой специальной серебряной крышечкой, а под ним не торт, не пирожные, а большой красиво перевязанный сверток. Лара его начинает разворачивать со смехом, а там обертки, обертки, а внутри маленькая коробочка, а в ней кольцо или подвеска, разве не прелесть? И это у всех на глазах. Или велит специально Луше окно открыть для проветривания. Лара начинает жаловаться, что душно, а он ей раз – и шубу на плечи!

– Ничего себе, шубу! Откуда же у него такие деньги?

– Ну, что вы! – отмахнулась от капитана Анна Ивановна. – А за произведения? А гоночары от концертов, а за выступления на радио, а гастроли? С деньгами у Щеголевых все было хорошо. Мы тоже, разумеется, не бедствуем, у меня тоже есть шуба, украшения, домработница, но все это не то. Все буднично, прозаично, без романтики и фантазии, – вздохнула Анна Ивановна.

Зависть к Щеголевым определенно имела место в этом семействе, но уж если бы кого и надумала травить Анна Ивановна, то скорее уж Ларису, решил про себя Евграф Никанорович.

– Ну а золотой камертон Петра Ильича Чайковского, который принадлежал Щеголеву, вы о нем слышали?

– Да, и даже видела. Вскоре после войны мы некоторое время жили у Модеста Петровича, когда только из эвакуации вернулись. У него тогда была одна комната в коммунальной квартире, мы ее занавесками разделили на части и жили все вместе. Еще и Луша, – пояснила Анна Ивановна.

– И ваш муж тоже видел этот камертон?

– Ну разумеется. Модест всегда вертел его в руках, когда думал или искал тему.

– Гм, – помолчал некоторое время Евграф Никанорович, соображая, что бы еще такое спросить, но так и не придумал.

– Анна Альт? Да она бы счастлива была, обрати Модест на нее внимание, – задорно хохотнула глубоким грудным смехом Мария Александровна Бессонова. Сегодня она приняла капитана скромно, по-домашнему, в шелковом, вышитом драконами халате и с небрежно уложенными в пышную высокую прическу волосами. Смотрелась Мария Александровна величественно, по-королевски и даже с восточной роскошью, поскольку, несмотря на домашний наряд, все ее пальцы были унизаны перстнями, а в ушах болтались серьги с крупными камнями. Ничего себе у нас творческая интеллигенция поживает, крикнул про себя Евграф Никанорович. И это в то время, когда трудовой народ из последних сил, с нечеловеческим напряжением воли восстанавливает страну после войны.

Евграф Никанорович был простым служакой, все эти оперы и оперетты были для него делом пустым и непонятным, а вот барские условия жизни, которые позволяли себе всякие там певички и музыкантишки, его искренне возмущали.

Да что, разве вот от этой здоровой разряженной куклы, которая каждый вечер со сцены рот открывает, больше пользы, чем, скажем, от рядовой ткачихи, колхозницы или, скажем, сталевара? Нет. Так почему она так жирует? Ладно бы еще Клавдия Шульженко была или Лидия Русланова, это талант, это он понимает, а то какая-то Бессонова, кто ее знает, кому она интересна, – закипал в душе Евграф Никанорович, болезненно переживая классовое неравенство и социальную несправедливость, с которыми, не щадя своей жизни, воевали его отец с дядями, да и сам он, несмотря на молодость, помогал старшим товарищам бороться со всякими буржуями недобитыми да нэпманами, чтобы потом строить новую жизнь, свободную от всяких там мещанских предрассудков. А тут налицо ведь загнивание, и никому никакого дела нет. Шубы у них, видите ли, шляпки, тряпки, халаты с драконами, сердито смотрел на Марию Александровну Евграф Никанорович.

– Модест был яркой личностью. Одаренный, решительный, внешне интересный, он ведь, знаете ли, из самых низов пробился, – не обращая внимания на капитана, рассказывала Мария Александровна. – Отец его на заводе Сименса простым рабочим до революции трудился, семья жила, сами понимаете, скромно, у Модеста еще трое братьев и две сестры было, все умерли, кто в революцию, кто в Гражданскую, кто в Великую Отечественную. Он ведь музыкой еще в детстве увлекся. Башмаки на улице чистил, чтобы на уроки музыки себе заработать, учился

у какого-то пьяницы, что с ними по соседству жил, какой-то старый скрипач. А когда подрос, на завод пошел работать, к отцу, а по вечерам все равно музыке учился в клубе при заводе. Вот какая настойчивость, какой талант был у человека. В консерваторию он уже в зрелом возрасте поступил. У Модеста большой талант был, – сказала она со вздохом. – Жаль, что так рано ушел из жизни, мог бы еще много хорошего сделать.

– Вы любили его? – сообразил спросить Евграф Никанорович.

– Конечно, – просто ответила Мария Александровна. – Мы подружились еще в консерватории. Я, Модест, Ляля Коломина, она в войну погибла, Толик Гудковский, он был в нее страстно влюблен, но, увы, безнадежно, и Сема Альт. Правда, Сема скорее был сам по себе, так, прибивался к нам время от времени.

– А Минкин?

– Исаак Борисович тоже с нами учился, правда, курса на два помладше. Модест с ним близко уже после консерватории сошелся.

– А Тобольского вы как давно знаете?

– Да столько же, сколько и Модеста, они с Веней друзья неразлейвода. Еще с детства, родители их вместе на заводе работали.

– Ясно. А что же вы за Щеголева замуж не вышли, раз так любили? – вернулся к интересующей его теме Евграф Никанорович.

– Ну, во-первых, я любила его не так, а как друга, – улыбнулась прежней озорной улыбкой Мария Александровна. – А во-вторых, у Модеста была невеста, девушка с его родной Выборгской стороны, Зиновья, милая такая, они в одном доме жили. Она к музыке никакого отношения не имела и вообще была очень скромной и ничем не выдающейся, но Модест ее очень любил, и после окончания консерватории они поженились. Она погибла в войну во время бомбежки.

– А когда же у Анны Альт были отношения со Щеголевым?

– Думаю, уже после войны. В молодости она умудрилась Семку Альта подцепить. Он, знаете ли, своеобразный человек, капризный, болезненный, с таким свяжешься, всю жизнь будешь нянчиться. Вот Анна за ним и ухаживала. Встречала его после учебы, домой провожала. Потом женила на себе. Но вы же понимаете, какой нормальной девушке такое может понравиться?

– А зачем же она с ним связалась?

– Семен был талантливым пианистом, ему прочили большое будущее. Вот Аня и старалась, и в принципе живет себе не тужит, вот только всю жизнь на Модеста посматривает.

– Гм. А что же Щеголев?

– Да ничего. Во-первых, она жена его друга, потом, до войны, как я уже говорила, Модест был счастливо женат, а во-вторых, после войны он Лару встретил. И вообще, не знаю, может, у них и не было ничего, – в сомнении подняла глаза к лепному потолку Мария Александровна. – Хотя... Аня с Семеном жили у Модеста после эвакуации, их квартиру заняли во время блокады, так что им какое-то время пришлось ждать, пока жилье выделят. Может, у них что и было, не знаю. А, впрочем, был один случай, я о нем уже забыла давно... – наморщила лоб, вспоминая, Мария Александровна. – Это было в конце сорок шестого, я спешила домой с репетиции и встретила на набережной канала Грибоедова Модеста с Анной. Они стояли возле парапета и, как мне показалось в первый момент, целовались, но, когда я подошла ближе, они просто разговаривали, сказали, что ждут Семена. Правда, Анна тогда была какой-то неестественно румяной, да и Модест... он был как-то подозрительно возбужден. Но мне было тогда не до них, я быстро ушла. Так что, возможно, какие-то отношения между ними все же были.

– А потом он женился на Ларисе Валентиновне?

– Да, они познакомились под Новый год, в сорок шестом. Лара была молоденькой, восторженной, почти красавицей. А Модест уже зрелым человеком, не очень здоровым, с гру-

зом потерь за плечами, – снова посерьезнев, рассказывала Мария Александровна. – Но знаете, после войны девушкам выбирать не приходилось, почти все Ларины ровесники погибли на фронте, так что ей, можно сказать, повезло. К тому же, мне кажется, она искренне в него влюбилась.

– А кем работала Лариса Щеголева до замужества?

– Если не ошибаюсь, училась в аспирантуре, что-то связанное с литературой, – с сомнением проговорила Мария Александровна.

– А Анна Альт, она работала, у нее была какая-то специальность?

– Да, какое-то время после замужества она еще работала в какой-то лаборатории. Может, в поликлинике? – предположила неуверенно Мария Александровна. – Она не любила говорить о работе, считала ее непрестижной.

– Скажите, а вы знали, что у Модеста Щеголева был золотой камертон, принадлежавший прежде самому Чайковскому?

– Золотой камертон? Что-то не припомню, – вновь задумалась Мария Александровна. – Нет, не знала.

Значит, Анна Альт работала в лаборатории, и романчик у нее со Щеголевым все же был, радостно потирал ладони Евграф Никанорович, покидая квартиру Марии Бессоновой. Сопрано оказалась бесценным источником информации.

Оставалось еще допросить Гудковского и Минкина.

– Что, с кем был роман у Модеста? – нервно сжимая и разжимая ладони, переспросил Исаак Борисович. Евграф Никанорович наведлся к Минкину прямо в антракте концерта. Тот, счастливый, возбужденный, в концертном фраке, с охапкой букетов в руках, легко впорхнул в свою примерную и растерянно замер на пороге, заметив сидящего в углу на стуле Евграфа Никаноровича.

Капитан, приземистый, кряжистый, в старом потертom пиджаке и давно не глаженных брюках, плохо вписывался в окружающую среду. Зеркало в обрамлении ярких ламп, пестрые афиши, напыщенные портреты известных артистов с дарственными подписями, цветы в вазах, вышитая старинная ширма в углу, кресло с резными подлокотниками возле туалетного столика. Изящный мир искусства. Поэзия. Евграф Никанорович же являл собой яркий образец наискучнейшей прозы. Серой, повседневной, лишенной искры привлекательности.

– Зд-драсте, – пугливо поздоровался Исаак Борисович, неосознанно пятясь к двери.

– Добрый вечер, товарищ Минкин, заходите, – пригласил музыканта Евграф Никанорович. – Проходите, вам же отдохнуть нужно в антракте. А я займу вас всего минут на пять, не больше, – пообещал капитан.

Минкин бочком вошел в примерную, прикрыв за собой дверь.

– Скажите, у Модеста Щеголева был когда-нибудь роман с Анной Альт?

Этот простой вопрос поверг Исаака Борисовича в длительный ступор.

– Возможно, не сейчас, а в прошлом? – подтолкнул его Евграф Никанорович.

– Понятия не имею. Я, видите ли, не слежу за личной жизнью коллег. Я сам не женат, у меня мама болеет, – пояснил свою позицию скрипач. – А со Щеголевыми и Альтами я встречаюсь крайне редко, только по большим праздникам или в сборных концертах. У меня мама болеет, я должен за ней ухаживать и не могу надолго оставлять ее одну.

– Что-то серьезное? Она у вас не ходит? – сочувственно поинтересовался Евграф Никанорович.

– Нет, отчего же? – неожиданно обиделся Минкин. – Ходит, разумеется. И даже выходит на прогулки.

– А что же у нее тогда?

– Просто слабое здоровье. Сердце, давление, слабость, ей требуются повышенная забота и внимание, – с вызовом ответил Минкин, и Евграф Никанорович взглянул на него с жалостью.

- Значит, о взаимоотношениях Модеста Щеголева с женщинами вам ничего не известно?
- Нет. Я не старая сплетница, – гордо дернул тощей шеей скрипач.

Старая сплетница, сообразил Евграф Никанорович и поспешил проститься.

Исаак Минкин проживал с матерью в небольшом флигеле во втором дворе старого доходного дома. Дворик был маленький, с дровяными сараями и шаткой деревянной лестницей на второй этаж.

- Вам кого? – раздался из-за обитой старыми ватниками двери высокий надменный голос.

- Минкины здесь проживают?

- Здесь. Представьтесь пожалуйста, – не торопилась открывать дверь хозяйка.

– Уголовный розыск, капитан Рюмин, – громко и четко сказал Евграф Никанорович, так что эхо во дворе повторило его слова, а где-то хлопнула форточка.

Дверь мгновенно отворилась.

– О боже, что за манера так громко кричать! Я прекрасно вас слышу! – укоризненно прошептала полненькая цветущая гражданка неопределенных лет, втаскивая Евграфа Никаноровича в полумрак прихожей.

- Розалия Карповна Минкина, – представилась она строго, щелкая выключателем.

Маленькую прихожую залило бледным желтым светом.

- Итак, что вам угодно? – поджав ярко накрашенные губы, спросила хозяйка.

- Я расследую смерть Модеста Щеголева.

- И что же вы хотите от меня?

- Помощи, разумеется, – мягко пояснил Евграф Никанорович.

– Ах, вот оно что. Но я, признаться, не совсем понимаю... Я, конечно, была знакома. Но все же... Давайте пройдем в комнату, – спохватилась Розалия Карповна.

Комнатка, куда пригласили капитана, была маленькой, но уютной. С низкими подоконниками, кружевными занавесочками, старинной громоздкой мебелью и множеством вышитых подушечек, салфеточек и вазочек.

– Садитесь где удобно, – позволила хозяйка, устраиваясь в кресле у окна. – Итак, чем же я могу вам помочь?

– Я слышал о вас как о человеке очень глубоком и наблюдательном. А мне важно прояснить некоторые подробности жизни покойного Модеста Петровича.

- Ну разумеется, чем смогу, – Розалия Карповна была явно польщена.

– Скажите, у Модеста Щеголева был роман с Анной Ивановной Альт? И вообще, с кем из женщин он состоял в отношениях?

– О, это сложный вопрос, я не могу всего знать, но, прежде чем уйти на пенсию, я работала в консерваторской канцелярии, а там, знаете ли, чего только не услышишь, – извиняющимся тоном сообщила Розалия Карповна.

Евграф Никанорович с энтузиазмом закивал.

– Так вот, поговаривали, что после войны, когда Альты жили у Щеголева, что-то такое было, сам Семен Альт, конечно, ни сном ни духом, знаете, как бывает в таких случаях, супруг всегда узнает последним. Поговаривали даже, что Модест собирался жениться на Анне. Но вскоре после этого он встретил свою нынешнюю супругу, и что бы там ни было между ним и Анной Альт, все это ушло в прошлое.

- А как вы думаете, Анна Альт сильно переживала эту историю?

– Ну, мне трудно судить... – развела пухлыми ручками Розалия Карповна, – но знаете, – тут же перешла она на театральный шепот, – одна моя знакомая, она тогда соседствовала со Щеголевым по коммунальной квартире на Невском проспекте, рассказывала, что Анна, узнав об отношениях Модеста Петровича с Ларисой, грозила покончить с собой. Но все это, разумеется, сплетни. Анна жива-здоровая, живет с Семеном и в ус не дует.

- Гм. Ну а что вы можете рассказать о Гудковском?

– Анатолии? А что о нем рассказывать? В гении он не выбился, так, крепкий середняк. Жены у него нет, детей тоже. Со Щеголевым, Альтом и моим сыном дружен еще с консерватории. Никаких сплетен о нем не ходит. Хотя нет. Было пару лет назад. Ухаживал он за генеральской дочкой, вроде все к свадьбе шло, но закончилось скандалом. Что там точно случилось, не скажу, но свадьбу отменили за несколько дней до даты регистрации. Вот, все, пожалуй.

– А что вы можете рассказать о Марии Бессоновой?

– Выскочка, хотя и не без таланта, – скептически поджала губы Розалия Карповна. – Приехала откуда-то из провинции, была совершенно дремучая девица, никаких манер, хотя голос был, безусловно, выдающийся, ну и фигура, разумеется, этакая кровь с молоком. Исаак просто голову потерял, еле удержала его от безрассудной женитьбы, – сердито рассказывала Розалия Карповна. – Он был совершеннейший мальчишка, она просто охмурила его, запутала, он голову потерял, а она и рада, из общежития в отдельную квартиру, в приличную семью... К счастью, у нее вскоре появился какой-то воздыхатель со стороны, и она выскочила за него замуж. То ли конструктор, то ли летчик-испытатель, уж не помню.

Евграф Никанорович с интересом смотрел на Розалию Карповну. До сих пор ему никто и словом не обмолвился об отношениях Бессоновой с Минкиным, а, впрочем, он же интересовался только Модестом Щеголевым, но все равно круг консерваторских друзей оказался гораздо теснее, чем представлялось на первый взгляд.

– Ну а доктора Тобольского вы знаете?

– Вениамина Аркадьевича? Ну, разумеется. Он мой спаситель, без него я бы давно покинула сей бранный мир, – приложив к глазам маленький, извлеченный из декольте кружевной платочек, поведала Розалия Карповна. – Он просто кудесник. Одно его слово лечит.

– А какие у него были отношения со Щеголевым?

– Ну как же, это лучшие друзья еще с детства, благодаря Щеголеву мы и познакомились с Вениамином Аркадьевичем.

– А ссор между ними не было?

– Нет, из-за чего же? Один музыкант, второй врач. Тобольский счастливо женат, на личной почве недоразумений между ним тоже не было.

Спрашивать Розалию Карповну про скорняка Евграф Никанорович не стал.

– Скажите, а вы знали о золотом камертоне, принадлежавшем Модесту Щеголеву? Этой вещью прежде владел сам Чайковский. – Задавая этот вопрос, капитан внимательно наблюдал за женщиной.

– Да, я слышала о камертоне, не знаю уж, откуда у такого скромного юноши, каким был во времена учебы в консерватории Модест Петрович, могла взяться такая ценная вещь.

– А почему вы решили, что он появился у него еще в консерватории? Может, он приобрел его, уже будучи известным композитором?

– Потому что Ися мне, еще учась в консерватории рассказывал об этом камертоне. Согласитесь, странно, что у мальчика из простой рабочей семьи, а Модест, несмотря на всю напыщенность своего имени, имеет весьма простое происхождение, – пояснила с легким высокомерием Розалия Карповна, – имеется такая вещь. Папа Иси был известным музыкантом, а дедушка знаменитым на всю губернию антрепренером, – в слове «антрепренер» Розалия Карповна все буквы «е» произнесла как «э», – но у него нет золотого камертона.

– Значит, вы не знаете, откуда у Щеголева взялся этот камертон?

– Нет. Но я знаю, что он очень им дорожил.

– А кто еще мог знать о камертоне?

– Жена, разумеется. Думаю, что многие знакомые, например, Вениамин Аркадьевич, или вот Анатолий Гудковский, или Семен Альт. Та же Бессонова, не знаю, почему Лариса Щеголева терпела ее в своем доме, такая умная, тонкая женщина принимала у себя эту особу, – видимо, с годами материнская ревность в сердце Розалии Карповны не погасла.

Глава 4

Сентябрь 1957 г. Ленинград

Значит, все-таки Анна Альт, заключил про себя Евграф Никанорович, покидая квартиру Минкиных. Анатолий Гудковский показался Евграфу Никаноровичу человеком чрезвычайно легкомысленным и безалаберным. Занимал он просторную комнату в трехкомнатной квартире, больше похожую на закулисье какого-то театра, чем на жилище солидного человека. Она была беспорядочно заставлена разномастной мебелью, здесь имелись изящный, даже хрупкий на вид стул с украшенной тонкой резьбой спинкой, обитый розовым шелком, старинный сундук, громоздкий пузатый буфет, наспех сколоченные из старых ящиков книжные полки, старинная ширма с кое-как залатанной дырой посередине вышитого полотна, кожаный громоздкий диван с полкой для слоников, на которой чередой выстроились запыленные бутылки из-под горячительных напитков. Этажерка с книгами, часть которых заменяла подломившуюся ножку, кое-как заправленная железная кровать, странный мрачный шкаф, из которого того и глядя полезет какая-нибудь нечисть.

– Что, неудобно? – смущенно взлохмачивая волосы, спросил у гостя Гудковский, следя за взглядом следователя. – Увы. Живу бобылем, из мебели – все, что сумел собрать на театральной свалке. Знаете, в театре иногда списывают всякий реквизит или мебель старую, вот я все и тащу, где что под руку попадет. На солидные мебели денег, увы, не хватает, – смущенно усмехнулся Анатолий Михайлович. – Да вы не стесняйтесь, проходите, садитесь. Вон хоть на диван. У меня, конечно, беспорядок ужасный. Да я, знаете, гостей не часто приглашаю. Так чем могу? – оседлав старый потертый венский стул, поинтересовался он у Евграфа Никаноровича.

– Хотел поговорить о вашем покойном друге.

– О Модесте? Ну, конечно, – серьезно ответил Анатолий Михайлович.

– Скажите, какие у Щеголева были отношения с женщинами?

– В смысле? Нормальные, – пожал недоуменно плечами Гудковский. – Модест был человеком воспитанным, вежливым, я бы даже сказал, галантным, так что у слабого пола не было поводов на него жаловаться.

– А были у него отношения с женщинами помимо жены, например с Анной Альт?

– А почему вы спросили именно об Анне? Насколько мне известно, между ними никогда ничего не было. Модест был примерным семьянином. Очень крепко любил свою жену, детей, и никаких историй на стороне у него не было. Во всяком случае, мне о них не известно.

– А вот Розалия Карповна Минкина говорила мне, что у Модеста Щеголева и Анны Альт вскоре после войны были отношения и что она даже хотела покончить с собой, когда Щеголев решил второй раз жениться.

– Ну, раз Розалия Карповна сказала... – многозначительно закатил глаза Анатолий Михайлович.

– А что, она соврала?

– Ни в коем случае, – категорически покачал головой Анатолий Михайлович. – Розалия Карповна – это просто кладезь сплетен и досужих пересудов. Она, знаете ли, своеобразная женщина. Сидит, как, простите за сравнение, жирная паучиха, и только подтягивает к себе мух поаппетитнее, что попадают в ее паутину. Она из любого вытянет всю подноготную, а потом разнесет по миру, расцветив собственными фантазиями. Да это еще полбеды. Беда – это когда она пытается «помочь», вот тут уж точно караул, – с насмешкой рассказывал Анатолий Михайлович. – Но самая несчастная жертва Розалии Карповны – ее собственный сын, – с сочувствием проговорил Анатолий Михайлович.

– Почему же?

– Насколько я понимаю, вы же с ними встречались? Минкин, простите, мы его всегда между собой по фамилии называем, Исаак как-то напыщенно, а Ися как-то несерьезно, – словно извиняясь, пояснил Анатолий Михайлович. – Так вот, бедный Минкин всю жизнь под пятой у мамыши живет. Он без ее согласия пирожок в консерваторском буфете купить боялся. А уж как она ему личную жизнь испортила, и говорить нечего. В молодости он был влюблен в Машу Бессонову, причем даже не без взаимности, но Розалия Карповна ему и шанса не дала, влезла в их отношения, как бегемот в посудную лавку, и все разрушила, и с тех пор держит его на коротком поводке. Не желает ни с кем делить свое сокровище. Но Минкину на старости лет, кажется, все же повезло, появилась у него одна женщина, серьезная такая дама, кандидат наук, я ее видел однажды случайно, а так Минкин ее ото всех прячет, чтобы матушка не пронюхала.

– Это все очень интересно, но меня интересовали взаимоотношения ваших знакомых со Щеголевым, – напомнил Анатолию Михайловичу капитан.

– Ах да, простите. Кажется, я и сам повел себя не лучше Розалии Карповны, – смутился Анатолий Михайлович. – Но я действительно ничего не знаю о романе Модеста и Анны.

– Ну а что вам известно о золотом камертоне, принадлежавшем Щеголеву?

– Тоже Розалия Карповна наболтала?

– Так вы о нем знаете?

– Да, видел пару раз. Модест с ним почти не расставался. А, между прочим, Розалия Карповна очень ревновала Модеста к этому камертону.

– Каким образом?

– Ну, понимаете, Модька был обычным парнем из рабочей семьи, я хорошо помню его родителей. Такие простые скромные люди, мама очень приятная, добрая. Ну а семейство Минкиных – музыканты в третьем поколении, уж не знаю, насколько его отец был выдающимся музыкантом, послушать Розалию Карповну, так все у них в семье были гениями. Но дед Исаака был при старом режиме провинциальным антрепренером, ничего выдающегося, но на фоне нас, босяков, это было внушительно. И квартира у них была приличная, и жили не бедно. Но вот камертона Петра Ильича Чайковского у Исаака не было, что Розалии Карповне казалось крайне несправедливым, она одно время проходу Модьке не давала, все пыталась его, где он камертон взял. И, кажется, даже хотела его купить, да Модька не согласился. Он был для Модеста вроде как талисман.

– Значит, Минкины знали о камертоне и мечтали его заполучить? – подвел черту Евграф Никанорович.

– Не Минкины, а Розалия Карповна. Если Исааку чего и хотелось в жизни, так это вырваться из-под власти мамыши, но он в этом и себе бы не признался.

– Гм. А с кем из знакомых дам у Щеголева могли быть отношения, например, до женитьбы на Ларисе Валентиновне?

– Ну, до Ларисы, еще до войны, Модест был женат на Зине, у них и ребенок родился. Но Зина с ребенком погибли в блокаду. А вскоре после войны Модест встретил Ларису, снова женился и, как я уже упоминал, стал примерным семьянином. Так что... Хотя... знаете, вот сейчас я припомнил, ходили какие-то сплетни о нем и Анне Альт, но это давно было, еще до его знакомства с Ларисой, и насколько это было правдой, не скажу. А вообще, Анна Ивановна – женщина серьезная, – добавил задумчиво Анатолий Михайлович. – Иначе бы ей с Семеном не выжить. Он же у нас как экзотический цветок. Требуется особого ухода и заботы. Так что вся семья, все проблемы, заботы, все на Анне. Она даже машину научилась водить, чтобы на дачу ездить. Семен, видите ли, не может, у него руки. А Аня и колесо поменяет, и огород вскопает, и клизму поставит. Помню, однажды Семку скрутило, продудило на каком-то концерте так, что он шевельнуться не мог, так она его на себе в туалет носила. Каково?

Впечатляло. Настоящая русская женщина, которая и коня на скаку остановит, и в избу горящую войдет, и бывшего возлюбленного на тот свет недрогнувшей рукой отправит, крикнул про себя Евграф Никанорович.

Семейство Тобольских новых сведений к делу не добавило.

Анну Ивановну Альт взяли в оборот, проверили все ее связи, обыскали квартиру, допросили друзей, знакомых, соседей, и все же не нашли никаких доказательств ее причастности к убийству. Никаких следов яда в ее квартире обнаружено не было, не смогли установить, как и где она могла достать это вещество. Сколько ни проводили дополнительных экспертиз, допросов, бесед, все оказалось тщетно. Сама Анна Ивановна категорически, непреклонно, из всех сил отстаивала свою невиновность. Супруг, к удивлению Евграфа Никаноровича, встал на ее защиту, заявив, что все обвинения в адрес жены не более чем происки завистников, а факт адюльтера жены с покойным Щеголевым назвал выдумками досужих сплетников.

– Евграф Никанорович, я тебе как старому сыщику доверяю, и чутью твоему, но пойми, что-то тут не то, – уговаривал капитана Рюмина полковник Шеляпин. – Мы уж так плотно ее в оборот взяли, а результата ноль. Хоть бы зацепочка какая... Может, ошибся ты, а?

– Похоже на то, – неохотно согласился Евграф Никанорович. – Дал маху старый дурень. Гоните в шею.

– Ну, это ты брось, никто тебя гнать не собирается, а только дело раскрыть надо, – твердо закончил полковник.

Да он и сам бы всей душой, а если ухватиться не за что? Тяжело вздыхал капитан, трясаясь в хвосте пустого вагона. Он засиделся на работе и едва успел на последний трамвай. Вагон потряхивало, стучали колеса, за окном моросил противный холодный дождь, который зарядил еще с обеда и все никак не мог закончиться. Желтый свет фонарей расплывался в лужах, словно яичный желток на сковородке, в животе протяжно заурчало. Эх, старый ты сыч. Так и проживешь всю жизнь один, без дома, без семьи, попенял себе капитан. А как бы было здорово прийти домой, а там щи или, скажем, борщ в подушке завернутый, или картошечка, и жена не ложится спать, тебя ждет, и приголубит, и накормит, и выслушает. А ведь ему, горемычному, и голову некуда приклонить. Совсем пригорюнился капитан и с тоской подумал, что так, наверное, подкрадывается старость. С мыслями об одиночестве, неустроенности и жалостью к себе. Трамвай прогрохотал через мост, и Евграф Никанорович, подняв воротник и надвинув поглубже на глаза фуражку, пошел к дверям.

– Здорово, Евграф Никанорович, слушай, чего расскажу! – входя утром в кабинет, окликнул его Никита Чугунов, как всегда, бодрый и довольный жизнью.

Оптимист, комсомолец. Молодой дурак, – невесело и даже зло подумал про себя капитан, неодобрительно глядя на Никиту.

– Ну что там у тебя?

– У меня сестра старшая врачом в больнице работает, так вот, представь, к ним вчера по «Скорой» тетку какую-то привезли. Очень тяжелый случай, отек легких, сердце, еще там что-то, я уж, признаться, забыл, – шлепаясь на стул, рассказывал Никита. – Они ее, значит, спасать: капельница, еще чего-то, давление померили, и не могут понять, что же с ней такое, а когда анализы взяли, выяснилось, что у тетки тяжелое отравление. И ты знаешь, чем? Тем самым веществом, которым Щеголев отравился. Хлор оксид, или оксид гексид... вот ведь и не выговоришь. В общем, я даже обалдел и подумал, что ты уже целый месяц бьешься, где убийца этот редкий яд достал, а он вот, пожалуйста, вовсе и не редкость, им даже какая-то уборщица отравиться могла, – беззаботно болтал Никита.

– Какая больница? Как сестру зовут? – вскакивая с места, спросил Евграф Никанорович.

– Куйбышевская, а сестру Варварой звать. Носова Варвара Евгеньевна, она по мужу Носова! – вслед Евграфу Никаноровичу зачем-то прокричал Никита.

– Добрый день, это вы меня спрашивали? Вы извините, у меня сейчас обход, – объясняла Евграфу Никаноровичу строгая молодая женщина в крахмальном халате и шапочке. – Вот тут ординаторская, подождите. Через двадцать минут я закончу, и мы сможем поговорить.

Возражать строгой докторше Евграф Никанорович не решился. Только удивился про себя, до чего же не похожи брат с сестрой. Никита всегда даже при праздничном параде выглядел таким шалопаем, а вот сестра у него женщина серьезная, с такой не поспоришь...

– Итак, товарищ, слушаю вас, – усаживаясь за стол, проговорила Варвара Евгеньевна, вернувшись с обхода.

– Я, доктор, из уголовного розыска, капитан Рюмин, вот мои документы. Мне стало известно, что вчера к вам с тяжелым отравлением поступила пациентка...

– А, так вы коллега Никиты? Что же вы сразу не сказали? – улыбнулась приветливо Варвара Евгеньевна. – Никита вчера как услышал про этот случай, так весь и заерзал, у нас, говорит, как раз похожее дело расследуют. Вот история болезни. Сидорова Евдокия Михайловна, работает уборщицей в филармонии.

– Где? В фриламнии? – оговорился от волнения Евграф Никанорович. – Мне непременно нужно ее допросить, немедленно. Дело государственной важности.

– В принципе ей уже лучше, но долгой беседы я вам разрешить не могу. Десять минут, – привычно категоричным голосом проговорила Варвара Евгеньевна.

– Спасибо, доктор.

На кровати возле окна лежала бледная пожилая женщина с головой, повязанной косынкой, из вялой безжизненной руки ее тянулся к капельнице тоненький проводок. Лежала она не шевелясь, с закрытыми глазами, как неживая. Евграф Никанорович испуганно обернулся к врачу, неужто опоздали?

Та успокаивающе кивнула.

– Евдокия Михайловна, Евдокия Михайловна, – тихонько позвала врач, и глаза больной открылись, взгляд не без труда сфокусировался. – К вам товарищ пришел из уголовного розыска, поговорите с ним, пожалуйста.

Евдокия Михайловна, медленно перевела взгляд на капитана, и он снова засомневался, сможет ли получить от женщины хоть какие-то сведения. Но та смотрела на него выжидающе и вполне осмысленно.

– Евдокия Михайловна, вы работаете уборщицей в филармонии?

Та молча прикрыла глаза.

– Вы знаете, когда и как отравились?

– Яд попал в кровь через рану на пальце, – вмешалась в разговор Варвара Евгеньевна.

– Как вы поранили палец?

– Я гримерки убирала, пыль сметала, мусор из шкафов и столов выгребала. Артисты, они такие, – слабым голосом, с паузами рассказывала Евдокия Михайловна. – Любят после концерта выпить, а бутылки потихоньку в шкаф или под диван, а фантики или бумажки какие – в ящик стола. Главное, чтоб на виду не валялось, вот и ползаешь за ними, убираешь. А тут в ящике стола стала прибирать, вместе с мусором какая-то стекляшка попала да и выскользнула, шлеп на пол и разбилась, а из нее высыпалось что-то белое, вроде сахарной пудры или крахмала. Вот, думаю, чего только не притащат, хотела собрать и палец порезала. Стеклышко-то больно тоненькое оказалось. Ну, я палец пососала и дальше убирать, ранка-то невелика, а уж через час мне как-то совсем заглохло, пришлось неотложку вызывать, – едва слышно проговорила Евдокия Михайловна, прикрывая глаза.

– Все, на сегодня хватит, – беря Евграфа Никаноровича за рукав, проговорила Варвара Евгеньевна.

– Сейчас доктор, сейчас, один вопрос. А чья это была гримерка? Кто ею пользуется?

– Восьмая, – не открывая глаз, проговорила Евдокия Михайловна, и Евграфа Никаноровича вывели из палаты.

– Восьмая грим-уборная? – взглянул на Евграфа Никаноровича поверх очков статный, безукоризненно причесанный, одетый в костюм-тройку администратор. Экий щеголь напыщенный, подумал про себя с неодобрением Евграф Никанорович, стеснительно пряча под стул ноги в старых сапогах.

– У нас одной грим-уборной сегодня одни пользуются, завтра другие, репертуар у нас очень обширный, много гастролирующих коллективов выступает, в том числе и зарубежных, – объяснял Самсон Гербертович, шурша страницами журнала. – А, вот, пожалуйста. За последний месяц. Извольте, – пододвинул он к гостю журнал, и Евграф Никанорович тут же вцепился взглядом в фамилию Минкин, она повторялась за этот месяц не менее десяти раз, в том числе в те числа, что был убит Щеголев.

Вот оно! Вот та сыщицкая удача, что вытягивает любое безнадежное дело, вот та мелочь, тот выверт судьбы, что никогда не дает убийце уйти от расплаты.

Ни одно самое идеально продуманное преступление не остается безнаказанным! Ни одно!

– Я понятия не имею, о каких склянках вы толкуете! Я ничего в шкаф не клал, я вообще не представляю, как туда могли попасть какие-то бутылки, я не пью! И вообще, почему вы обращаетесь именно ко мне? Я что, единственный пользуюсь этой гримерной? Да там куча народу бывает, она же не закрывается никогда, да туда можно что угодно спрятать, никто не заметит! Никому дела нет, – горячился Исаак Борисович, сидя в кабинете следователя.

– Да, но никто из прочих музыкантов, занимавших ту же грим-уборную, не был близко знаком с Модестом Щеголевым и не присутствовал в вечер убийства на его домашнем торжестве, – мягко проговорил следователь.

– Да объясняю же вам, мне подкинули эту дрянь, и сделать это мог кто угодно! – со слезами в голосе возопил Исаак Борисович.

– Разумеется. Только вот какая загвоздка: вещество, которым был отравлен Модест Щеголев, в аптеках не продается.

– И что?

– А то, что достать его непросто, не каждый может.

– Вы намекаете, что я могу? Где? В музыкальном магазине? У настройщика? – как бы ни храбрился Исаак Борисович, но вид он имел бледный, почти до синевы, руки его дрожали, а на лбу выступила испарина.

– Ну что вы, нет, конечно. Я даже не намекаю, я утверждаю, что это вещество вы без труда могли достать в Научно-исследовательском институте химической промышленности, в котором работает ваша хорошая знакомая Анфиса Павловна Рудквист. Вы сами взяли это вещество в лаборатории или попросили вашу знакомую его достать?

– Что? Ничего я не брал и ничего не просил! Клянусь вам, даю вам слово чести! Я никого не убивал, никаких веществ не брал, я даже не знаю, чем именно занимается Анфиса, мы никогда не разговариваем о ее работе!

Своей вины Исаак Борисович так и не признал. Его знакомая Анфиса Павловна категорически отвергла тот факт, что выносила когда-либо с работы химические вещества, но вынуждена была признать под давлением следствия, что Исаак Минкин несколько раз бывал у них в НИИ с шефскими концертами, где они, собственно, и познакомились. И даже несколько раз заглядывал к ней в лабораторию. Но никакие вещества, тем более ядовитые, у них не пропадали, и никаких разговоров о ядах они с Минкиным никогда не вели.

Учитывая положительные характеристики, выданные гражданке Рудквист на работе, ее ценный вклад в развитие советской науки, а также ходатайства товарищей, против нее не были

выдвинуты обвинения в пособничестве, она проходила по делу как свидетель, а вот гражданин Минкин, хоть и не признал своей вины, но все же под давлением неопровержимых улик был признан виновным в убийстве Модеста Щеголева и осужден. Это дело громко освещалось в прессе, капитан Рюмин за успешное раскрытие преступления получил очередное звание и премию, но морального удовлетворения получить не смог. Слишком уж упорно настаивал на своей невиновности Минкин, неожиданно упорно, учитывая его мягкотелость и характер, да и мать его было жалко. Розалия Карповна не смогла пережить позор сына, слегла, а вскоре умерла от сердечной недостаточности.

– Ларочка, тебе надо встряхнуться, нельзя так себя изводить. Луша сказала, ты целыми днями сидишь одна, никуда не выходишь, даже детьми перестала интересоваться. Разве так можно? Ты еще молодая женщина, у тебя вся жизнь впереди. В ней еще будет много хорошего, поверь мне. Главное, выбраться из этого состояния, – держа Ларису Валентиновну за руку, уговаривал Анатолий Михайлович Гудковский под одобрительные кивки Луши и при поддержке Лизы с Ильей. Со дня смерти Модеста Петровича прошел почти год. – Вот что, я завтра же вытребую в Союзе композиторов путевку на море для вас! У детей скоро каникулы, съездите, развеетесь. Сейчас как раз начало сезона, смена обстановки тебе пойдет на пользу. А завтра же мы с тобой пойдем в театр. Да! Причем в Музкомедию! – обрадовался своей идее Анатолий Михайлович.

Лиза и Илья, переглянувшись, заулыбались. Они очень любили отца и искренне по нему горевали, но мамино состояние их пугало. И они были рады, что дядя Толя так решительно взялся за нее.

И Лариса Валентиновна сдалась, уступила нажиму Анатолия Михайловича и детей, вышла из дома, медленно, словно нехотя стала возвращаться к жизни, а уже через полгода была прежней, улыбочливой, энергичной, деятельной Ларисой, какой и была до смерти мужа, а еще через год вышла замуж за Анатолия Михайловича, с полного одобрения семьи.

Глава 5

Июль 1965 года.

Дачный поселок под Ленинградом

– Мам, а дядя Толя сегодня придет? – вбегая на веранду, спросил Илья. – Мы с ребятами завтра хотели на лодке в поход пойти, всего на два дня, ты не волнуйся, – поспешил он успокоить мать. – Как думаешь, дядя Толя разрешит лодку взять?

– Берите и поезжайте, – чуть резковато бросила Лариса Валентиновна, отрываясь от плиты.

– Мам, а вы что, опять с дядей Толей поссорились? – озабоченно спросил Илья, тут же забывая о своих делах.

– Нет, сынок. Просто голова сегодня побаливает, может, давление меняется к дождю? А Лиза на озеро ушла?

– Ага, с этим, как его, с Жоркой Альтом. Тоже мне, жених и невеста, – усмехнулся Илья.

– Илья, как тебе не стыдно? – пряча улыбку, проговорила Лариса Валентиновна. – Ты сам уже взрослый, с первого сентября в институт пойдешь, студент! Скоро начнешь за девушками ухаживать.

– Еще чего! – фыркнул презрительно Илья, встряхивая вихры.

– Ты над сестрой смеешься, а Лиза с Жорой, может, даже поженятся. Будет он твоим родственником.

– Большое счастье. Очкарик. Не могла получше найти.

– Зато Жора очень талантливый мальчик, еще известным пианистом станет, как папа, будем все им гордиться.

– А может, и не будет, к тому же он какой-то нюня. «Ох, мои пальцы, ох, мои уши, ох, моя спина, нога, рука...» Ноет, как девчонка. Надеюсь, они не поженятся, – выходя с веранды, вынес свое резюме Илья.

А Лариса Валентиновна устало опустилась на табуретку. Ее улыбка и напускное веселье стекли с лица, словно смытые дождем.

Со смерти мужа прошло всего восемь лет. Или целых восемь лет? Лариса Валентиновна размышляла, глядя невидящими глазами на заросший, неухоженный сад за окном.

Как она прожила эти годы без Модеста? Гм. Не умерла, не погибла, а как-то незаметно пришла в себя, вышла замуж, вырастила детей. Да, дети самая большая радость в ее жизни. Лиза умница и красавица, того и гляди, замуж выскочит, уже на третьем курсе института. Илюша тоже молодцом. Спортсмен, и учится хорошо, в престижный институт поступил. Все сам, никто не помогал. С детьми отношения сложились хорошие, доверительные, за второе замужество они на нее не рассердились, не обиделись, и отчима приняли хорошо. И жили они первое время очень дружно, весело. На отдых всегда вместе ездили, гостей принимали, да и без гостей в их доме было хорошо, уютно. А потом все как-то незаметно изменилось, Лариса Валентиновна даже не заметила, когда это произошло.

Зашипела плитка, полезла через край кастрюли пена от бульона. Лариса Валентиновна спохватилась, выключила плитку и снова села на табурет. Когда же их с Толей семейная жизнь дала трещину?

Перед ее глазами стали пролистываться страницы их семейной жизни – застолья, праздники, тихие воскресные утра, походы в театры, прогулки в осеннем Павловске, покупка новой машины, поездки на море, первый успех Анатолия.

Да, это была музыка к фильму, легкая комедия, но музыка захватила всех. Когда бы ты ни включил радио, всегда можно было услышать то один, то другой мотив. Толик стал востребованным, его приглашали для работы в кино, ему заказывали песни известные исполнители.

Да, да. В то лето они впервые поехали отдыхать без него. У Толи было много работы, он был бодр, полон энергии, планов, он был весел, внимателен к ним, засыпал подарками. А вот потом появились новые друзья, некоторые из них оказались не очень приятными людьми, несколько циничными, слишком насмешливыми, с какими-то непонятными взглядами, старые их друзья, бывавшие в доме еще при Модесте Петровиче, исчезли, удалились. Атмосфера в доме стала меняться, а три-четыре года назад у Ларисы Валентиновны впервые появилось подозрение, что муж ей изменяет.

Да, это было тоже летом, в тот год он стал реже бывать на даче, как-то отдалился от них, а потом Лариса неожиданно приехала с дачи домой, ей нужно было забрать кое-что из вещей, Толик все никак не мог выбраться к ним, и она решил съездить на денек в город. Дети остались на даче. В квартире было до странности пустынно, словно муж не появлялся дома несколько дней.

Луша к тому времени у них уже не работала. Толик сказал, что это буржуйские замашки – держать домработницу, к тому же большой расход, и что они сами могут справиться с хозяйством. Луша так плакала, прощаясь, у Ларисы Валентиновны чуть сердце не разорвалось от жалости. Будь жив Модест Петрович, Луша наверняка осталась бы с ними навсегда. Он воспринимал Лушу как члена семьи, любил ее, а вот с Толиком у нее отношения не сложились. Но Лариса Валентиновна была вынуждена согласиться с мужем, потому что он содержал ее, приемных детей, сама она тогда не работала, и это было его правом отказать Луше. Лиза с Ильей первое время ужасно тосковали по ней, а потом все как-то наладилось. А Лариса Валентиновна пошла работать, ей вдруг стало неуютно полностью зависеть от мужа. Да и тот одобрил ее решение, сказал, что так она не будет скучать.

А потом настал день, когда Лариса без предупреждения вернулась в город. Она несколько дней подряд не могла дозвониться до мужа, а когда приехала домой, нашла нежилую, какую-то мертвую квартиру. И пока она собирала нужные вещи, вдруг вернулся Толик. Сперва растерялся, увидев Ларису, потом почему-то рассердился. Они поссорились. А Лариса вскоре узнала от одной знакомой, что у Анатолия роман с молодой скрипачкой из Оркестра радио и телевидения. Лариса не поверила, но потом была аспирантка консерватории, потом журналистка, актриса, потом Лариса устроила скандал, они едва не развелись. Это было два года назад. Тогда Анатолий ее успокоил, уговорил, умолил. Они помирились. Как узнала позже Лариса, в этот период он как раз оформлял визу для работы за границей над каким-то дурацким совместным итальянско-советским кино. Фильм вышел настолько бездарным, что в итоге его не стали нигде показывать. Зато Толик привез из-за границы радиоприемник фирмы «Грюндик», роскошный костюм, джинсы и кожаное пальто. Ларисе и детям в подарок достались ручки и блокнотики.

Она молчала почти неделю, часами бродила по квартире, глядя, как сильно изменился дом со дня смерти Модеста Петровича, и вспоминала, вспоминала, вспоминала, а затем в один прекрасный вечер, дождавшись, когда Анатолий вернулся домой слегка навеселе, пахнущий французскими духами, поставила ему ультиматум. Или он завтра же съезжает с квартиры, прихватив только свои личные вещи, и Лариса тихо подает на развод. Или он раз и навсегда прекращает свой разгульный образ жизни, а если еще хоть раз позволит себе интрижку на стороне, развод состоится с участием профкома, парткома, руководства Союза композиторов, и этот скандал окончательно и бесповоротно разрушит его карьеру.

Тот вечер был не самым приятным в жизни Анатолия Гудковского, но Лариса хорошо подготовилась к разговору, и с тех пор держала мужа в ежовых рукавицах.

Анатолий долго шел к успеху и признанию и не готов был все это потерять в один миг. С той ночи в их жизни настал новый период, Анатолий вновь стал примерным семьянином, вот только радости это никому не приносило. В глазах общества они были благополучной супружеской парой, любящей и дружной. А на деле совершенно чужими друг другу людьми, живущими под одной крышей.

Так они прожили год, мучительный для обоих. Анатолий больше не бегал по бабам, зато стал выпивать.

Лариса Валентиновна тяжело и протяжно вздохнула. В последнее время ей все чаще стало казаться, что со смертью первого мужа закончилось в ее жизни все хорошее, что было ей отпущено богом.

Модест любил ее, любил детей, они были настоящей семьей, у них были друзья, их общие друзья, общие радости и общие печали. Жизнь казалась тогда Ларисе прекрасной сказкой. Наивная, тогда она считала, что и все так живут, радостно, счастливо, в любви и достатке. Потому что окончилась война, умер Сталин, потому что вокруг просыпался, набирал силу новый радостный мир, в котором вот-вот восторжествует коммунизм. Она искренне верила в это, пока не умер Модест.

Господи, какой же наивной и счастливой она была тогда! Лариса Валентиновна печально улыбнулась, качая головой, и увидела, как по дорожке к веранде идет Толя.

Она тут же встала, поправила косынку и, включив плитку, вернулась к нарезке овощей.

– Привет, Лариска! – это мерзкое обращение появилось в обиходе у Анатолия недавно, и только когда он бывал пьян.

– Ты опять напился? Не рано? – приподняв точеные брови, брезгливо переспросила Лариса Валентиновна. В свои сорок с хвостиком она все еще была хороша, ее красота обрела зрелость и законченность черт.

– Учитывая перспективу нашей встречи, в самый раз, – похабно улыбаясь, ответил Анатолий. – Что, опять своим оглодам стряпаешь?

– Не смей так говорить о моих детях! – вспыхнула она, едва не просыпав мимо кастрюли нарезанный картофель.

– Не нравится... – засовывая в рот веточку укропа, самодовольно протянул Анатолий. – А на моем горбу кататься нравится? – мгновенно меняясь в лице, воскликнул он зло.

– Не смей меня упрекать. Ты все эти годы жил в квартире Модеста Петровича, пользовался его вещами, связями, славой! У нас с детьми были сбережения, я работаю! – едва не срываясь на крик, одернула его Лариса Валентиновна. Подобные разговоры возникали между ними все чаще, и если сначала она тушевалась, не зная, что ответить, чувствовала себя виноватой, то со временем обида и злость помогли ей собраться и найти с ответом. Оттого и скандалы с каждым разом становились все острее и громче. – Ты всем обязан нашей семье! Это талант и имя Модеста помогли тебе выдвинуться!

– Я обязан?! – вскочил на ноги Анатолий, руки его дрожали. – До сих пор гением считаешь муженька своего бывшего? Талантом небось до сих пор восхищаешься, детишкам про него рассказываешь? Так вот, не было у него никакого выдающегося таланта! Не было! – брызгая слюной, кричал Анатолий, опасно нависая над Ларисой Валентиновной. – Был он обычным записным бездарем и таким бы и остался! Он и сам это знал, так что можешь глаза не пучить! Если бы не камертон, он бы двух нот вместе не сложил! Камертон, вот что сделало его знаменитостью.

Лариса Валентиновна с презрительным высокомерием взглянула на мужа. Его выпады в адрес Модеста были жалки и оскорбительны одновременно.

– Что тарачишься, не знала, почему он за него так цепляется? Волшебный камертон этот, волшебный! – нетвердо стоя на ногах, теперь уже опереточно шипел Анатолий. – Он мне сам как-то по пьяни проговорился, давно еще. Сразу после консерватории, мы его первый успех отмечали, он так нажрался, так рад был, что болтал обо всем подряд, а когда понял, что сболтнул, сразу протрезвел. От страха, наверное, а потом в шутку все обратить попытался, натужно так. Вот тогда я и понял – правда все это. И точно, Модеста как на волне вверх вынесло, пикнуть не успел. А я вкалывал, пороги обивал, писал по ночам, по колхозам колесил с концертами, с нотами своими куда только не совался, никому не нужен был Анатолий Гудковский. Никому!

А Модька уже весь в регалиях, званиях, квартира у него, машина, концерты в лучших залах, оперы, арии, песенки по радио. А я? С голоду подыхай в безвестности? Кукиш вам! – выкинул резко руку со сжатыми в фигу пальцами Анатолий, и глаза его блестели пьяным, каким-то бешеным блеском.

– Что ты несешь, при чем здесь камертон? – испуганно глядя на мужа, спросила Лариса Валентиновна. Таким страшным она Анатолия еще не видела. – Модест был просто талантлив и трудолюбив.

– Чушь! Не был! Бездарь он был, бездарь!

– Ты пьян, тебе надо пойти прилечь, ты сам не соображаешь, что несешь!

– Да, я пьян, – мрачней, согласился Анатолий. – Пьян потому, что мне тошно! Тосшно, слышишь ты, курица безмозглая! – Лариса Валентиновна вспыхнула. Так гадко Анатолий ее еще не обзывал.

– Я всю жизнь мечтал о славе, деньгах, почете. Смотрел на Модьку и завидовал, страшно завидовал, до слез. Иногда смотрел на его сытую счастливую морду где-нибудь в газете или на афише и думал: а где бы ты без камертона своего был, сволочь? А потом стал иначе думать, а отобрать бы его у тебя, сукина сына, вот было бы весело. Щеголев выдохся, исписался, новая опера композитора Щеголева провалилась!

– Что ты несешь? Толя, у тебя белая горячка, ты же не соображаешь ничего! – с тоскливым ужасом проговорила Лариса Валентиновна. Ей страшно хотелось, чтобы он замолчал, сейчас же, немедленно. Она не хотела его слушать и попыталась выскочить с веранды, но он преградил ей дорогу.

– Куда собралась? Нет уж, ты послушай, – в глазах Анатолия плескалась какая-то отчаянная решимость.

– Нет, нет. Хватит! – вырывалась Лариса Валентиновна.

– Слушай! – рывкнул Анатолий, прижав ее к стене. – Я решил отобрать у него камертон, и я отобрал! Ясно? И камертон, и всю жизнь! И квартиру, и славу, и даже тебя, курицу! – выкрикивал в лицо жене Анатолий.

– Я сама отдала тебе камертон после смерти Модеста, ты ничего не отбирал, – бормотала Лариса Валентиновна, пытаясь вывернуться из крепкой хватки мужа. – Ты просто подобрал его. У тебя бы не хватило ни сил, ни смелости отобрать что-то у Модеста! Он был сильнее тебя, выше, отважнее, он был Человеком, а ты и мизинца его не стоишь!

– Врешь! Дура! Ты все врешь! Ты ничего не знаешь! Это я отобрал камертон, я убил Модеста и отобрал камертон! Я его у-бил! – глядя в глаза жены, отчеканил Анатолий и пьяно, самодовольно хохотнул, но тут же спохватился и резко, без шуток схватил Ларису за горло. – Что, собралась в милицию бежать?

– Господи, нет! Ты правда бредишь... У тебя белая горячка! Модеста убил Исаак Минкин. – В голосе Ларисы Валентиновны против воли прозвучала жалость.

– Исаак Минкин сел за убийство, которого не совершал, – почти нормальным голосом проговорил Анатолий. – Я вообще не думал, что милиция докопается, что Модеста отравили. Не зря же я яд в институте спер, кстати, в том самом, в котором пассия дурака Минкина работала. Смешно. Никто даже не вспомнил, что мы вместе с Минкиным были на том шефском концерте, что нас с экскурсией по НИИ водили, рассказывали о развитии советской химической промышленности и ее вкладе в народное хозяйство, а я в это время одной лаборанточке глазки строил и про разные колбы и пробирочки расспрашивал. Вот так этот яд и стащил, а они и не хватились. Заверяли следствие, что у них ни грамма вещества не пропало.

– Боже мой! Что же ты наделал? Да нет. Ты врешь! Ты просто позлить меня хочешь!

– Хочу. Все эти годы смотрю на тебя и представляю твою физиономию, как бы тебя перекосило, узнай ты, что я, а не Минкин, Модеста прикончил. Все эти годы меня распирало от

желания все тебе вывалить, чтобы тебя кошмары по ночам мучили, чтобы ты минуты покоя не знала.

– Так это правда ты, – в ужасе прошептала Лариса Валентиновна. – Ты убил Модеста! А свалил все на бедного Минкина! Нет. Ты бы не смог, нет. Как же так, ты же... мы же с тобой... ты жил с нами в его доме...

– Да, но в милицию идти не советую. Во-первых, не поверят, во-вторых, подумай, как у тебя за спиной шептаться начнут: она жила с убийцей, а дети так и вовсе проклянут! Они у тебя правильные. А если все же выкнешь, жалеть будешь долго, и тебя, и гаденышей раздавлю. Запомни, – Анатолий склонился к самому лицу Ларисы Валентиновны, уставившись зрачками в ее зрачки.

– Ты врешь, ты все врешь! Ты просто пугаешь меня! – затрясла она головой, вырываясь из его железной хватки. – Ты не мог этого сделать! Ты все врешь!

Анатолий одернул пиджак, встряхнулся и, проведя рукой по лицу, словно стирая с него мерзкую гримасу, проговорил твердо и уверенно, глядя в глаза жене:

– Хочешь и дальше спокойно жить, забудь все, что слышала. – И шагнул в прохладные сумерки дома.

Лариса Валентиновна упала на табуретку. Спина у нее была вся мокрая, на лбу выступили капельки пота, руки трясли так, что она поспешила положить на стол ножик.

Анатолий – убийца. Восемь лет с убийцей. В одной постели, за одним столом. Он обнимал ее, обнимал детей. Он целовал ее. Лариса схватила полотенце и принялась тереть свои губы, словно желая содрать с них кожу. Перед глазами мелькали картины, от которых ей становилось тошно, стыдно, смертельно стыдно. От которых хотелось умереть.

Лариса Валентиновна долго сидела недвижимая, оцепеневшая. Может, час, может, два. Суп давно выкипел, но ее это больше не волновало, в доме стояла тишина.

Она больше не может оставаться на даче. Илья ушел на два дня в поход, Лиза собиралась вечером в город на концерт с Жорой Альтом, она уедет с ними.

Лариса Валентиновна встала, тихо прошла по дому. В кабинете, в кабинете Модеста Петровича, на его любимом диване спал Анатолий. Она осторожно вошла в комнату, ощупала его пиджак, висящий на стуле, осмотрела стол. Камертона не было. Ну что ж.

Утро принесло Анатолию Михайловичу острую головную боль и ужасающую сухость во рту, зато избавило от воспоминаний.

– Лара! Лариса! – прохрипел он пересохшими губами. – Принеси рассольчику. Ну или хоть чего. Хоть воды. Лара! Лиза! Люди!

Увы, на его призыв никто не отзывался.

– Бросили, – горестно всхлипнул Анатолий Михайлович, раздираемый жалостью к себе. – На озеро небось ушли. Бесчувственные нахалки.

Пришлось самому вставать с дивана, ползти на веранду, искать пиво, вино, воду, проводить реанимационные мероприятия.

Семейство как в воду кануло. Только ближе к вечеру, окончательно придя в себя, мучимый голодом и потерявший надежду дожидаться обеда, Анатолий Михайлович сообразил, что жена, скорее всего, сильно на него вчера рассердилась и назло уехала в город.

Подробности вчерашнего разговора с Ларисой Валентиновной совершенно выпали из его памяти.

Лариса Валентиновна всю ночь провела без сна, думая, как ей жить дальше. Она сидела за столом в гостиной, за тем самым столом, за которым они сидели вместе с Модестом в ночь его смерти много лет назад, веселые, счастливые, муж был на пике своего успеха. Она прерывисто вздохнула.

Как слепы они были, за столько лет знакомства с Гудковским не разглядели в нем подлой, низкой, завистливой натуры, да что там натура! Зависть и подлость можно считать мелкими простительными пороками, а Анатолий оказался убийцей!

Убийство. Что может быть страшнее, ужаснее, бесчеловечнее? А она жила с этим человеком под одной крышей, обнимала его, целовала, думала, что любит. Или любила?

Нет. Любви не было. Были дружба, уважение, благодарность, любила она только Модеста, и до сих пор любит только его. Лариса Валентиновна подняла голову и взглянула на портрет мужа, висящий на стене. Парадный портрет в красивой раме, Модест на нем был очень красив, строен, во фраке и с белым галстуком-бабочкой он смотрелся величественно. Анатолий неоднократно порывался снять его, убрать в коридор, в кабинет, в кладовку, с глаз долой, но Лариса была непреклонна.

Да, должно быть, ему было невесело каждый день иметь перед глазами портрет убитого им друга. Сидеть напротив портрета за завтраком, обедом, ужином, спать в его постели, с его женой. Лицо Ларисы Валентиновны скривилось болезненной гримасой. Видеть, как растут его дети. Лиза копия отец, это замечают все.

Каково же было ему жить все эти годы в квартире Модеста с его женой и детьми? А несчастный Исаак Минкин? Этому человеку сломали жизнь, его мать умерла раньше времени, не снеся позора. Анатолий жил на чужих могилах, ел, пил, веселился. Что же это за страшный человек? И ведь пить он начал не от груза вины, не от раскаяния, нет! Он был вполне доволен жизнью, он преуспевал и с удовольствием пользовался плодами своего преступления! Пить он стал, когда понял, что не сможет отделаться от них, не потеряв камертон! Да, да! Так все и было.

Лариса Валентиновна взглянула на лежащий перед ней продолговатый бархатный футляр. Вот он.

Модест всегда им дорожил, даже был болезненно к нему привязан, но Лариса Валентиновна никогда не связывала успехи мужа с этой золотой вилкой. Скорее он был талисманом, приносящим удачу. Еще бы, ведь когда-то он принадлежал самому великому Чайковскому!

Когда-то давно Лариса Валентиновна спрашивала мужа, как к нему попал камертон, он никогда толком не рассказывал этой истории, был уклончив. Господи, что за глупости лезут ей в голову? При чем тут это?

Модест говорил что-то о наследстве, кажется, камертон достался ему от дальнего родственника, который состоял в родстве с Чайковским. Или что-то в этом роде. Модест никого не убивал, он даже мух старался не убивать, а выгонять в окно, сердито одернула себя Лариса Валентиновна.

Что ей теперь делать? Пойти в милицию? Какие у нее доказательства, кто ей поверит, да еще спустя столько лет? Развестись, выгнать Гудковского из их дома? Чтобы он блаженствовал на свободе? Ну уж нет! Она резко хлопнула ладонью по столу и тут же спохватилась. За стеной спала Лиза, ей не хотелось будить дочь и уж тем более открывать ей ужасающую истину.

Что же ей делать? Написать в партком? Глупость, дикость, бред.

Да кого она обманывает? Ее не страшит, поверят ей в милиции или нет, ее пугает огласка. Да. Если преступления Анатолия станут достоянием общественности, как ей жить дальше? Как она будет выглядеть в глазах общества. В глазах детей? Невозможно!

Лариса Валентиновна уронила голову на руки. Боль, горечь, разочарование, стыд, ненависть, жажда мести кипели в ней, бурлили, сплетались, перемешивались, как зловонное ядовитое зелье, ища выхода, стремясь вырваться наружу.

Что же ей делать?

Как хочется с кем-нибудь посоветоваться, поделиться своим горем. Ах, если бы был жив Модест! После его смерти у нее не осталось настоящих друзей. Есть дети, но разве им можно такое рассказать. Сестра? Лариса Валентиновна представила ее лицо, презрительные, недовер-

чивые глаза и навсегда выкинула из головы эту мысль. Нет, нет, это их личное, семейное, ее не касается.

Луша! – неожиданно вспомнила Лариса Валентиновна. Луша была безгранично предана Модесту, их семье, она недолюбливала Анатолия, Луша ей поверит, поддержит ее, поможет. И Лариса Валентиновна, торопливо одевшись, вышла из квартиры.

– По закону за убийство полагается расстрел, – жестко сказала Луша, выслушав Ларису Валентиновну.

К счастью, Луша не сказала ей ни слова упрека, молча выслушала, и все. И потом коротко про расстрел.

– Да, Луша, но какие доказательства? Столько лет прошло, его даже тогда не подозревали, а сейчас? Даже если милиция начнет проверять, все вокруг скажут, что Анатолий порядочный человек, известный композитор, заботливый муж и отчим. Ну в крайнем случае скажут, что он мне изменял, и вот тут милиция решит, что я просто захотела ему отомстить. А уж про камертон и говорить нечего, никто не поверит.

– Да уж, ерунда, – мрачно согласилась Луша. – Никакой камертон из бездаря гения не сделает. Вона, дай мне циркуль или, скажем, скрипку, и что, из меня великий ученый выйдет или скрипач? Глупости это все.

– Да, но ведь Анатолий убил из-за камертона, значит, сам-то он в эту сказку поверил, – неуверенно проговорила Лариса Валентиновна. – И знаешь, Луша, он ведь до смерти Модеста и до нашей женитьбы никаких успехов достичь не смог, а потом вдруг – раз! – и такое дарование. Ведь Анатолий действительно очень красивую музыку стал писать, сильную, глубокую.

– И чего? Есть люди, у которых дарование рано открывается, есть у кого поздно. Я сама слыхала, как Модест Петрович покойный об этом говорил, – отмахнулась Луша.

– Луша, а ты не знаешь, откуда у Модеста Петровича тот камертон и почему он был так уверен, что тот самому Чайковскому принадлежал?

– Да рассказывал как-то давно, только не мне, а Зиночке, когда еще только поженились, а я тоже слыхала, жили-то мы тогда в одной комнате, – со вздохом проговорила Луша. – В общем, случайно к нему камертон этот попал, он потому и вспоминать не любил, но Зине врать не стал, она его с самого детства знала, чего уж тут скроешь. Так вот, в пятнадцатом году это было. Первая мировая уже шла, в городе каждый день стачки, забастовки. Мальчишкам, понятное дело, дома не сиделось, вот и носились по городу. Интересно. Так вот, был в тот день какой-то митинг, народу тьма, жандармы тут же конные, свист, топот, стрельба, крики, он уж и сам потом вспомнить не мог, на какой улице дело было, но недалеко от Невского, во куда их занесло, Модеста Петровича с приятелями! В общем, в этой кутерьме какого-то господина толкнули да об стенку шандарахнули, осенью это вроде было. Господин в приличном пальто, одетый хорошо и с саквояжем. Упал он, значит, на тротуар, а саквояж в сторону откатился, ну Модест-то Петрович с дружкой его и прихватили, а сами дёру. Никто их в суматохе и не заметил. Сиганули дворами до какого-то тупика. Там за сараями сели добычу рассмотреть.

Белье там какое-то оказалось, денег сколько-то, пачка писем перевязанная, бритвенный дорожный прибор и футляр бархатный, а в нем золотой камертон. – Лариса Валентиновна слушала Лушу, не веря своим ушам. Модест Петрович ограбил на улице человека! Ужас, немыслимо, невозможно. – Деньги они с приятелем себе забрали и тут же в кондитерской и потратили на пирожные и мороженое. Наелись, говорил, аж тошнило, а саквояж спрятали, а то, если бы дома узнали, выпороли бы так, что кожа на задку потрескалась. Ну вот, потом пару раз наведывались в свой тайник, камертон разглядели, письма. Вот тогда-то Модест Петрович и запомнил, что это были письма от какого-то Петра Ильича Чайковского своему брату, Модесту Ильичу. Кто такие эти Чайковские, он, конечно, понятия не имел, а запомнил и заинтересовался только потому, что имя совпало. Он Модест, и там Модест. Он даже дрожь какую-то почувствовал, будто что-то роковое случилось. А потом камертон этот потихоньку от приятеля из саквояжа

стянул, так он ему понравился, что из рук выпускать не хотелось. Вот тогда он музыку слышать и начал. Внутри себя слышать. А дружок его вскорости помер то ли от тифа, то ли от холеры, то ли еще от чего, и остался Модест Петрович единоличным владельцем камертона и писем. А о том, кто такой Чайковский, он уже потом узнал, когда музыке стал учиться.

Лариса Валентиновна сидела, молча обдумывая Лушин рассказ. Какая странная, почти невероятная история.

– Кто же был тот человек, у которого они камертон украли? – спросила она вслух.

– Модест Петрович думал, что это был тот самый Модест, брат Чайковского, которому композитор письма писал. Он его, конечно, в тот день плохо разглядел, но потом видел на портретах и говорит, что вроде похож был.

– Невероятно... А что же он с письмами сделал?

– Да выбросил от греха.

– Это так не похоже на Модеста Петровича... Ограбить человека, присвоить себе его вещи...

– Да что ж тут удивляться, ему и было-то лет десять, пацаненок совсем, а еще кругом такое творилось, вся страна ходуном ходила, в городе что ни день, то стачки, митинги, забастовки, военные, раненные с фронта, жандармы, полиция, лозунги всякие, чистое светопреставление, – замахала на нее руками Луша. – Нашли, о чем рассуждать. А честнее и добрее человека, чем Модест Петрович, обыщись не найдешь, – наставительно закончила домработница, и Лариса Валентиновна истово с нею согласилась, чувствуя, как легче и спокойнее стало на сердце.

– Дак чего ж мы с этим гадом делать будем? – вывела ее из состояния благодатного покоя Луша.

– Не знаю. А только человек, отнявший чужую жизнь, должен заплатить своей! – неожиданно горячо воскликнула Лариса Валентиновна. – Убийцу нужно убить! Вот именно, его нужно убить! – Господи, что она несет, какое убийство? Кто его убьет, она сама? Дикость. У них дома даже оружия нет, тут же спохватилась она.

– Убить – это, конечно, справедливо, да вот только как хорошему человеку такой грех на душу взять. Нет, – покачала головой Луша. – Не осилить нам такое дело, да и потом что? Расстреляют ведь.

– Его же не расстреляли! Живет сыт-пьян, пользуется всеми благами и ни о чем не печалится. Он ведь и проговорился о содеянном не из раскаяния, а чтобы мне досадить, – с горечью объяснила Лариса Валентиновна. – Это страшный человек, да это даже и не человек вовсе, а чудовище!

– Чудовище, он чудовище... – в полубреду-полуяви бормотала Лариса Валентиновна. Но ведь Анатолий не стрелял, нет. Он подло, тайно отравил Модеста. Отравил и остался безнаказанным. Вот и его надо отравить. Да еще так, чтобы он мучился, умирая, и вспоминал то, что сделал, мучился и вспоминал, мучился и вспоминал, мучился и всп-о-м-и-н-а-л...

Лариса Валентиновна от Луши вернулась на рассвете, сил дойти до кровати не было, она присела на минутку в кресло да так и уснула.

– Мам, мама, просыпайся. Мама! Ты что за столом спишь? Мам? – Лизин встревоженный голос прорвался сквозь ватную бесчувственную пелену, в которую провалилась, засыпая, Лариса Валентиновна. – Мама!

– Да, что? Что случилось? – еще плохо соображая после сна и резкого пробуждения, бормотала Лариса Валентиновна, с трудом разгибая спину и шевеля шеей.

– Ты в кресле уснула! – возмущенно воскликнула Лиза, встревоженно глядя на мать. – Мам, ты не пила? – В голосе дочери звучала тревога, подозрительность и едва уловимая нотка презрения.

– Бог с тобой, – отмахнулась Лариса Валентиновна, поправляя волосы и одергивая блузку. – Просто сидела вот вечером и вспоминала папу. – Она указала на камертон. – А ты еще помнишь отца?

– Ну конечно, – легко согласилась дочь.

– Нет, я имею в виду по-настоящему. Ты помнишь, каким он был, как вел себя, ходил, разговаривал, как брал вас с собой на репетиции и концерты, как мы на море ездили на машине?

– Не все, конечно, – присаживаясь за стол, проговорила Лиза. – Какие-то отдельные моменты помню. Как он мне куклу на день рождения подарил, как у Тамары, с бантами. Помню, как мы с Ильей мороженое просили возле зоопарка, а он ни в какую не хотел покупать, потому что было холодно, а я подговорила Илью, чтобы он заревел, и тогда папа схватился за голову, обозвал нас несносными детьми и купил-таки мороженое. Но в зоопарк с нами больше не ходил, – с невольной улыбкой принялась вспоминать Лиза. – И поездки на море помню. Я обожала высовываться в окно, а папа все время ругался, боялся, что я вывалюсь из машины. А почему ты вдруг о папе вспомнила?

– Я очень по нему скучаю, – тихо, словно стесняясь своих слов, ответила Лариса Валентиновна.

– Мамочка, ты все еще его любишь?

– Да. Ладно, Лизок, надо умыться и переодеться, а то я как-то неважно выгляжу. Надо же, уснула в кресле! – покачала головой Лариса Валентиновна, прихватила футляр с камертоном и вышла из комнаты.

Глава 6

Июль 1965 года. Ленинград

– Лариса, ты дома? – Анатолий Михайлович закрыл дверь, придерживая под мышкой букет гвоздик. Сидеть на даче одному смысла не имело, голодно, да и скучно. И хотя жену с ее детьми он не жаловал, но все же люди, да и горячее питание – вещь не последняя. А потому, немного оправившись от вчерашнего похмелья и напившись растворимого кофе, Анатолий Михайлович решил вернуться в город. По пути купил букет, не стоит без особой нужды злить женщину, которая готовит тебе еду, еще плюнет в тарелку.

– Ларис, хватит дуться, – входя в комнату, примирительно проговорил Анатолий Михайлович, надевая на лицо привычную обаятельную улыбку. С годами эта маска утратила свою привлекательность, как и лицо композитора, обрзгшее и утратившее свежесть. Смотрелась она не задорно и лукаво, как в молодости, а жалко и фальшиво. Так же, как и поредевшие тусклые волосы, нелепо зачесанные набок так, чтобы прикрыть разрастающуюся на макушке лысину.

Ларисе Валентиновне потребовалось немало труда, чтобы стереть с лица отвращение при виде мужа.

– Здравствуй, – сухо поздоровалась она, принимая жалкие, словно неживые, гвоздики на болезненно тонких стеблях. Она терпеть не могла эти цветы, словно сошедшие с плаката, выставленного к празднику Седьмого ноября. Они хорошо смотрелись на похоронах, торжественных заседаниях и демонстрациях.

– Ларис, ну извини, напился как свинья, наговорил чего-то. У Сошкина день рождения был, вот, отметили узким кругом. Есть хочется ужасно, – чмокнув мимоходом в щеку жену, пожаловался Анатолий Михайлович. – Я пойду переоденусь, накрой на стол.

– Накрой, подай, приготовь, извини, не дуйся. Я тебя ненавижу – извини. Я убил твоего мужа – не дуйся. Я низкая, подлая, бесчеловечная тварь, не обращай внимания, – зло шептала Лариса Валентиновна, накрывая в кухне на стол. Ничего-ничего. Она потерпит. Послезавтра Гудковский уезжает в командировку в Ригу. Почему-то она больше не могла называть его по имени, в этом было что-то семейное, дружеское, непереносимое и отвратительное. Гудковского не будет неделю, за эту неделю они с Лушей все обдумают.

– Ешь.

– Спасибо. Ужасно голоден, – не обращая внимания на настроение жены, с аппетитом набросился на еду Анатолий Михайлович.

– Где же ты? – бормотала Лариса Валентиновна, шаря рукой в глубине старых, забытых всяким хламом антресолей. Как хорошо, что за эти годы у нее так и не дошли руки разобрать их. – Она должна быть где-то здесь. Точно должна быть. Ее не могли выбросить.

Детей дома не было – Лиза уехала к подруге, Илья остался на даче. Гудковский еще вчера уехал в командировку, и теперь Лариса могла не спеша приступить к осуществлению своего плана. Гудковского они с Лушей решили отравить. Точнее, решила она, Луша была категорически против, считала, что их поймают и обязательно посадят, а то и расстреляют, и все из-за этого гада. И предлагала просто сдать его в милицию.

– Вот она!

Лариса Валентиновна ухватила рукой поллитровую банку с коричневатым раствором. Эту штуку, раствор Клеричи, когда-то достал Модесту его поклонник, сотрудник какого-то геологического НИИ. В тот год у них в дачном поселке расплодились буквально орды крыс, и ничто их не брало. Тогда кто-то посоветовал Луше травить их таллием. Вещество, как ока-

залось, ни в аптеках, ни в магазинах хозяйственных товаров не продавалось, но Модест достал его. Было это лет за пять до его смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.